

МИКОК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф.

The paper concerns problems of the origin and development of stone industries and their characteristics as well as palaeogeography, hunting strategies, and anthropological finds in the Northern Caucasus sites related to the East-European Micoquian.

The most complete sequence of the so called "Mousterian Würm" deposits has been studied at Mezmaiskaya cave. Radiocarbon dates for layers 2, 2A, 2B and 3 all fall within the later part of oxygen-isotope stage 3: layer 2 — 32.230 ± 250 (LE-4735); layer 2A — 35.760 ± 400 (Beta-53896/CAMS-2999) and 36.280 ± 540 (Beta-53897/ETH-9817); layer 2B — 40.660 ± 1.600 (LE-3599); layer 3 - >45.000 (LE-3841) years ago. But these dates, obtained on bone and clearly lying near or beyond the effective range of radiocarbon dating, should be treated as minimum estimates. Works of V.V.Cherdintsev on U-dating of the Il'skaya 1 site sediments gave a date 135.000 ± 25.000 yr. Radiocarbon datings on bone define the age of the Il'skaya 1 cultural layer in 37.200 ± 1.800 and 40.800 ± 1.200 , while an ionium date is 47.000 ± 2.000 yr. There are no absolute dates for cave sites of Barakaevskaya, Monasheskaya, and Gubs Rockshelter 1. Layer 4b at Matuzka cave has a C14 date on charcoal — 34.200 ± 1.410 yr (AY-3692). The recently discovered open air site of Baranaha 4 belongs to the same site set.

Tool sets from all the assemblages reflect a predominance of simple sidescrapers. Canted sidescrapers are also numerous, while double and transverse forms are less common. All assemblages contain large number of converging tools. Endscrapers are also present in all levels. Denticulates are rare. Bifacial tools include bifacial sidescrapers, small handaxes, bifacial foliate points, "Chokurcha triangles" (bifacially worked triangular tools like found in the Crimean cave site of Chokurcha I). Mousterian points often have ventral thinning. In the later sites, only isolated bifacial tools were found, as well as an increase in percentages of blades and blade tools.

Bison predominates in faunal lists of most of the sites. Mammoth was found only in Il'skaya 1 site. At the same time there is some decrease of bison bones in later sites, with an increase of the common ungulates group (deer, goat/sheep). Zooarchaeological research identification of different permitted hunting strategies in various sites. In Il'skaya 1 bison mass hunting probably existed, while at there is a noted predominance of selective hunting on bison adults. At the same time goat/sheep were hunted in small groups in Mezmaiskaya cave. There are also base-camps, where most nutritional parts of bison carcasses were transported (Mezmaiskaya, Barakaevskaya).

Anthropological finds were discovered in many sites. At Mezmaiskaya cave a child skeleton was found in the lowest layer 3, as well skull fragments — in the uppermost layer 2. The partial skeleton from level 3 may be classified as an archaic human with clear affinities to the Neanderthals of Western and Central Europe (*Homo neanderthalensis* or *H. sapiens neanderthalensis*). Among the traits exhibited by the cranial and postcranial remains, the developed paramastoid process, oval shape of the foramen magnum, and short distal limb segments are especially significant.

In layer 2 at Monasheskaya there were found some human remains: two phalanxes, several vertebrae fragments, ribs, two intact teeth and 11 teeth fragments. The teeth are Neanderthal. A great number of the fragments and the fact they were found all together may indirectly point to a destroyed burial existence there. A mandible and isolated teeth were found in the cultural layer of Barakaevskaya cave. The affinity of the Barakaevskaya Neanderthal man with those of Western Europe is clear.

These taxonomic definitions of the Northern Caucasus anthropological finds present an exact correlation with the conclusion that during Early Würm or Riss-Würm (if the lower layer of Il'skaya 1 is dated to Riss-Würm), the Northern Caucasus witnessed a penetration of the tradition called "East European Mousterian" or "East European Micoquian".

At present there is no evidence of Lower and Middle Paleolithic cultural continuity in the region. However, the current level of research on the problem of the emergence of the Micoquian does not give definite conclusions about a time and a place for the earliest Micoquian industries appearance. It is interesting that in the Northern Caucasus, as in Europe, the Late Acheulian industries with rare bifaces antedate the Micoquian sites, and later Micoquian industries existed here by the beginning of the Upper Paleolithic. Thus, currently it is difficult to discuss:

- if it was a pre-Riss-Würmian center of the emergence of the Micoquian industries, from which the Micoquian was spreading, if these were migrations of people, diffusions of ideas, or innovations;
- or if all previous development and some technological level achieved in this region prepared that technological shift, which we view as plausible, may have occurred simultaneously in several centers.

ГЕОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В настоящее время на Северном Кавказе известно семь памятников среднего палеолита, на которых выявлены микокские индустрии (рис. 1). Они содержат около 20 стратиграфических слоев, включающих микокские индустрии и охватывающих весь мустьерский вюрм. Памятники имеют большой высотный и широтный диапазон. Они распространяются от предгорий — около 100 м над ур. моря (Ильская) до

высокогорных плато — более 1300 м над ур. моря (Мезмайская, Баранaha) и от Северо-Западного побережья Черного моря почти до Центрального Кавказа. Известны как стоянки открытого типа (Ильская, Баранaha 4), так и пещерные (Мезмайская, Монашеская, Губский навес 1, Баракаевская, Матузка).

История изучения среднепалеолитических микокских памятников Восточно-Европейского круга на Северном Кавказе, безусловно, начи-

нается с работ С.Н.Замятнина на стоянке Ильская 1. Стоянка, открытая более ста лет назад, имеет свою непростую историю изучения. С.Н.Замятнин [Zamiatnine, 1929] впервые определил ее как микокский памятник, и эту атрибуцию поддержали некоторые исследователи [Формозов, 1965; Праслов, 1984]. Напротив, другие специалисты относили ее то к позднему палеолиту [Городцов, 1940], то к мустье с шарантскими и понтийскими элементами [Любин, 1984, с.63]. Однако, все они одновременно подчеркивали отличие стоянки Ильская 1 от других мустьерских памятников Кавказа, прежде всего таких, как Монашеская пещера и Губский навес 1. А.А.Формозов причислил Ильскую 1 к памятникам с большим количеством бифасов, тяготеющим к Восточно-Европейскому региону и не типичным для Кавказа. Монашескую пещеру и Губский навес 1 он считал типично кавказскими памятниками [Формозов, 1977]. В.П.Любин относил Ильскую 1 к мустье шарантскому, а Монашескую пещеру и Губский навес 1 - к мустье типичному, объединяя последние в Губскую мустьерскую культуру [Любин, 1977].

В 1987 г. на Северо-Западном Кавказе была открыта Мезмайская пещера [Голованова, 1990]. Этот памятник, стратиграфическая колонка которого состоит из семи мустьерских и трех позднепалеолитических слоев, позволил не только разобраться с датированием самых ранних микокских индустрий на Северном Кавказе, но и проследить их развитие на протяжении

всего мустьерского вюрма. Многослойная мустьерская стоянка в Мезмайской пещере впервые дала возможность связать индустрии, которые никогда не сближались, а обычно сравнивались как "одинаково мустьерские". Впервые в изучении мустьерской эпохи на Северном Кавказе был поставлен вопрос о некорректности сравнения памятников без уточнения их хронологической позиции внутри эпохи.

ХРОНОЛОГИЯ

Мезмайская пещера, включающая напластования практически всего мустьерского вюрма, выгодно отличается от других памятников рассматриваемого региона еще и уникальной для среднего палеолита сохранностью органического материала. Это позволило получить интересные данные как по относительной, так и по абсолютной хронологии, которые дали возможность уточнить хронологическую позицию стоянки Ильская 1 и Губских мустьерских стоянок (см. табл. 1).

Для нижних культурных слоев 3 и 2В Мезмайской пещеры Ю.С.Свеженцевым получены даты по кости. Для слоя 3 имеется запредельная дата: более 45000 л.н. (LE-3841), а для слоя 2В-4 — 40660 ± 1600 л.н. (LE-3599). В слоях 3 и 2В-4 представлены грызуны, обитавшие в лесу и в альпийских лугах [Barishnikov, Hoffecker, Burgess, 1996]. По данным палинологии, в слое 2В-4 доминируют травяно-кустарничковые растения, состав дендрофлоры ксерофилен и беден [Golovanova et al., 1998].

Таблица 1

Тыс.л.н.	Кислородно-изотопные стадии	Альпийская схема	Ильска стоянка	Мезмайская пещера	Баракаевская пещера	Монашеская пещера	Пещера Матузка	Губский навес 1	Баранаха 4
25	2 ---	W III-IV		Слой 2 Слой 2А		Слой 2 Слой 3А		Слой 5-7 ?	Слой 2 ?
35 40	3	W II-III		Слой 2В-1,2 Слой 2В-3 Слой 2В-4	Слой 3	Слой 4	Слой 4В-С		
45		W II		Слой 3					
50		W I-II	Верхний						
55		WI	Слой						
60			Нижний						
			Слой						
73	4 ----		?						

Нижележащие стерильные слои относятся к периоду потепления. По данным Р.Л.Бургесс [Baryshnikov, Hoffecker, Burgess, 1996], в основании слоя 4 прослеживается лесная почва. В слое 5 найдено много лесных форм грызунов (*Arodemus* sp., *Pitumus* sp.). Учитывая абсолютную высоту пещеры над уровнем моря, можно предположить, что заселение пещеры (слой 3) произошло в период межстадиала, очевидно, в вюрме I-II альпийской схемы или в начале стадии 3 кислородно-изотопной шкалы. Слой 2В мог формироваться в конце этого интерстадиала или в начале вюрма II.

Стоянка Ильская 1 в разное время и разными исследователями датировалась от позднего палеолита до ашеля, а геологическая датировка изменялась от рисса до среднего вюрма. Работы В.В.Чердынцева по датированию отложений методом неравновесного урана дали дату в 135000 ± 2500 лет. Радиоуглеродные датировки по кости определяют возраст культурного слоя Ильской 1 в 37200 ± 1800 и 40800 ± 1200 л.н., а иониевая дата - 47000 ± 2000 л.н. Последний исследователь стоянки Ильская 1 Н.Д.Праслов указывал на межледниковый характер нижнего уровня находок, а вышележащие отложения относил к колебаниям раннего вюрма [Праслов, 1970, с. 84]. Позднее к этому мнению присоединился В.П.Любин [1977, 1994].

Учитывая новые данные по хронологии и палеогеографии Мезмайской пещеры, а также типологическую близость нижних слоев (3 и 2В) Мезмая и стоянки Ильская 1, можно предварительно синхронизировать их в пределах раннего вюрма — вюрма I-II. Хотя не исключено, что нижний слой Ильской 1 - рисс-вюрмский. Интересно, что радиоуглеродные датировки Ильской 1 оказались близки датам для слоев 3 и 2В-4 Мезмайской пещеры.

Слои 2В-3, 2В-2 и 2В-1 Мезмайской пещеры могут соответствовать холодному интервалу вюрма II, когда пещера почти не посещалась людьми, а отложения испытывали периодические размывы и нарушения. Этому времени может соответствовать слой 3 низкогорной Баракаевской пещеры, образовавшийся в условиях сухого и холодного климата. В.П.Любин, первоначально датировавший стоянку ранним вюрмом, сейчас относит ее к вюрму II [Любин 1994, с.153], а тонкий фосфатно-карбонатный покров, образовавшийся в условиях теплого и влажного климата и перекрывающий культурный слой - к вюрму II-III. Вероятность подобной датировки хорошо согласуется с археологическими данными. Индустрия Баракаевской пещеры занимает промежуточное положение между ранними индустриями Мезмайской пещеры и стоян-

ки Ильская 1, с одной стороны, и индустриями из верхних слоев Мезмайской пещеры, Губско-го навеса 1, верхних слоев Монашеской пещеры и слоев 4В, 4С пещеры Матузка. На сегодняшний день положение Баракаевской пещеры внутри кислородно-изотопной стадии 3 представляется наиболее обоснованным, и она не может синхронизироваться со стадиями 5d-5a [Baryshnikov, Hoffecker, 1994].

Новые исследования Монашеской пещеры [Беляева, 1994; 1999] позволили получить информацию о палеоклиматических условиях формирования четырех культурных слоев памятника. Для нижнего слоя 4 отмечается доминирование широколиственных лесов и присутствие экзотов. Этот слой может синхронизироваться с фосфатно-карбонатной коркой, перекрывающей культурный слой в Баракаевской пещере и датироваться вюрмом II-III.

Возможно, этому же периоду, учитывая разницу абсолютных высот Матузки и Монашеской пещеры, соответствуют слой 4С пещеры Матузка, образовавшийся в условиях верхнегорного леса, и слой 4В, для которого характерна лесостепь со среднегорными лесами [Golovanova et. al., 1990]. Для слоя 4В имеется дата по С14: 34200 ± 1410 л.н. (ЛУ-3692), полученная Х.А.Арслановым по древесному углю [Golovanova, 1996с].

Резкому похолоданию в начале вюрма III может соответствовать обвальная граница между слоями 4 и 3А Монашеской пещеры, а слой 3А может относиться к периоду кратковременного потепления в вюрме III. По последним данным [Беляева, 1999], в нижнем, 3-ем горизонте слоя 3А Монашеской пещеры выделен второй оптимум. Если его соотносить с оптимумом Баракаевской пещеры, то тогда культурный слой Баракаевской будет синхронен холодному слою 3Б (обвальная граница) Монашеской, а слой 4 будет самым древним в Губском ущелье. Однако, этому противоречат археологические данные, а другая информация по хронологии отсутствует. Для слоя 2 Монашеской пещеры реконструируется похолодание и аридизация климата, которые могут быть связаны с концом вюрма III.

Для верхних мустьерских слоев Мезмайской пещеры характерны грызуны альпийских лугов, преобладание мезоксерофильных травяно-кустарничковых растений, с верхами слоя 2 связан уровень обеднения дендрофлоры. Для слоя 2А получены даты AMS: 35760 ± 400 (Beta-53896/CAMS-2999) и 36280 ± 540 л.н. (Beta-53897/ETH 9817). А для слоя 2 имеется дата С14 по кости: 32230 ± 740 л.н. (ЛЕ 4735).

Слои 2 и 2А Мезмайской пещеры могут синхронизироваться в широком интервале вюрма

III со слоями 2-3 Монашеской пещеры, учитывая абсолютную высоту Мезмайской пещеры. Индустрия Губского навеса 1 сопоставлялась В.П.Любиным [1977] с материалами Монашеской пещеры и датировалась тем же интервалом. В Губском навесе 1 выделяется три мустьерских слоя: 5, 6, 7. Однако, на сегодняшний день мы не имеем информации о датировке этих слоев, синхронизации их с ближайшим памятником - Монашеской пещерой и различиях индустрий из разных слоев.

Новая стоянка открытого типа Баранаха 4 изучена пока предварительно [Голованова, Доронищев, 1997а, б]. Этот однослойный мустьерский памятник, в сравнении с пещерными мустьерскими стоянками, сохранился плохо: полностью отсутствует микрофауна, из определенных костей найдены лишь единичные зубы. Стоянка расположена на абсолютной высоте около 1500 м, на древней среднеплейстоценовой террасе, и поэтому ее датирование с помощью геоморфологии затруднено. Единственным основанием для определения ее хронологической позиции служит типологическое сопоставление индустрии с другими памятниками. Предварительно можно говорить о близости стоянки Баранаха 4 поздним памятникам Восточно-Европейского микрока на Северном Кавказе, таким как Монашеская пещера (слои 2-3) и верхние слои Мезмайской пещеры.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Основной чертой, которая объединяет все названные памятники, одновременно выделяя их на фоне других среднепалеолитических стоянок Кавказа, является наличие бифасиальных орудий определенных типов. В качестве "сопровождающих" признаков можно назвать присутствие скребков, иногда резцов и лимасов (табл. 2). Во всех памятниках от 20 до 40% орудий составляют скребла простые. Скребла поперечные и двойные в этих индустриях редки. Совокупная группа орудий со сходящимися лезвиями (мустьерские остроконечники, конвергент-

ные и угловатые скребла) является второй основной составляющей этих индустрий: от 12 до 50 %, но в основном — в пределах 20-30 % (см. табл. 3).

В группу бифасиальных орудий входят широкие треугольные рубильца, листовидные наконечники, разнообразные конвергентные орудия, частично или полностью бифасиальные, а также бифасиальные скребла или ножи: присутствуют ножи близкие типам Бокштайн, Прондник, Сухая Мечетка, а также другие разновидности. Более ранние памятники отличаются не только большим процентом бифасиальных орудий, но и большим их разнообразием. В индустрии стоянки Ильская 1 присутствуют листовидные наконечники (рис. 2 - 1), треугольные рубильца (рис. 2 - 3, 11), конвергентные формы разнообразных типов (рис. 2 - 2, 8), обломки треугольных бифасов (рис. 2 - 7). Бифасиальные скребла представлены различными типами, среди них: частично-бифасиальные скребла близкие Кайлмессер или рубила-ножи с хорошо оформленным одним продольным краем и обработанным основанием (рис. 2 - 4, 10, 12), а также орудия, имеющие скошенный обушок и длинные уплощающие сколы с него, как у ножей Прондник (рис. 2 - 6). Присутствуют также бифасиальные и частично-бифасиальные скребла близкие Волгоградским ножам (рис. 2 - 9; 4 - 14). Среди бифасиальных орудий можно выделить также формы близкие односторонним Чокурчинским треугольникам (рис. 4 - 5). Многие орудия имеют частично-бифасиальную обработку, среди них: конвергентные орудия (рис. 4 - 2, 4), скребла (рис. 4 - 12), скребковидные орудия (рис. 4 - 11).

В нижних слоях 3 и 2В Мезмайской пещеры также представлены листовидные бифасиальные наконечники (рис. 3 - 1), треугольные рубильца (рис. 3 - 3, 4), разнообразные бифасиальные скребла. Среди скребел особенно многочисленны бифасиальные и частично-бифасиальные обушковые формы близкие ножам Бокштайн, но, в отличие от последних, имеющие

Таблица 2

Памятники	Бифасы	Лимасы	Скребки/резцы	Орудия со сходящимися лезвиями	Скребла	Зубчатые/Выемчатые орудия
Мезмай, слой 3	+	+	+	+	+	+
Мезмай, слой 2В-4	+	+	+	+	+	+
Ильская, нижний слой	+	+	+	+	+	+
Ильская, верхний слой	+	+	+	+	+	+
Баракаевская	+	-	+	+	+	+
Магузка, слой 4В-С	+	-	-	+	+	+
Монашеская	+	+	+	+	+	+
Губский навес 1	+	-	+	+	+	+
Мезмай, слой 2-2А	+	-	+	+	+	+
Баранаха 4	+	+	+	+	+	+

Таблица 3

Памятники	Скребла простые	Орудия со сходящимися лезвиями
Мезмай, слой 3	36,3 %	20,1 %
Мезмай, слой 2В-4	34,3 %	27,3 %
Ильская, 1 нижний слой	?	20,0%
Ильская, 1 верхний слой	?	21,0 %
Баракаевская	24,7 %	20,4 % (?)
Матузка, слой 4В-С	16,1 %	53,0 %
Монашеская	23,0 %	22,4 % (?)
Губский навес 1	23,1 %	14,3 % (?)
Мезмай, слой 2-2А	45,7 %	18,6 %

Таблица 4

Памятники	Пластинны	Бифасиальные орудия	Скрепки / резцы
Мезмай, слой 3	23,9 %	12,6 %	0,5 %
Мезмай, слой 2В-4	27,7 %	10,6 %	0,5 %
Ильская, нижний слой	15,4 %	+	4,4 %
Ильская, верхний слой	25,0 %	+	14,2 %
Баракаевская	17,5 %	1,0 %	6,2 %
Монашеская	21,4 (35) %	+	18,4 %
Губский навес 1	16,0 (35,1) %	1,5 %	10,6 %
Мезмай, слой 2-2А	27,5 %	1,5 %	8,6 %

Примечание: В группу орудий со сходящимися лезвиями отнесены мустьерские остроконечники, конвергентные и угловатые скребла.

Данные по Ильской стоянке взяты из [Анисюткин, 1968], по Баракаевской пещере - [Любин, 1994], по Монашеской - [Любин, 1977].

рабочий край, который не смыкается с обушком, как у классических ножей Бокштайн (рис. 3-5, 6, 8). Основание этих орудий не обработано, обушок иногда дополнительно уплощен (рис. 3-6). Часть скребел близка Кайлмессер, они также имеют плоско-выпуклую обработку, один продольный край, тщательно обработанный ретушью, и подправленное основание (рис. 3-10). Кроме того, в материалах Мезмайской пещеры представлены одно- и двусторонние ножи близкие типу Прондник (рис. 3-9), одно- и двусторонние чокурчинские треугольники (рис. 3-7). Частично-бифасиальная обработка особенно широко представлена на конвергентных орудиях (рис. 3-2).

Что касается ножей типа Прондник, то истории выделения этого типа и его последующей "жизни" можно посвятить специальную работу. Определение ножей Прондник, которое дается Л.В. Кулаковской, Я. Козловским и К. Собчиком [1994] в одной из последних работ, специально посвященных типологии микокских ножей, можно назвать эталоном. Однако, использование этого типа при определении конкретных материалов имеет несколько другую историю. В частности, Л.В. Кулаковская выделяет и частично-двусторонние ножи типа Прондник [Кулаковская и др., 1994, с. 70, рис. 7-2]. Достаточно вариабельна эта форма и в публикациях других авторов [Колосов, 1986, рис. XVII-3, XLI-

2,3]. Причем этим разнообразием в определении конкретных орудий "грешат" не только последователи, но и те, кто стоял у истоков выделения этой формы на оригинальных польских материалах (см., например, [Хмелевский, 1965, с. 18-19, рис. 3 — 3, 50]). Поэтому, при определении материалов Мезмайской пещеры и Ильской 1 было использовано более широкое понимание этого типа при сохранении главной отличительной черты ножей типа Прондник: наличия стесывающих уплощающих негативов с косо поставленного по отношению к рабочему краю обушка. В наших материалах имеются как двусторонние, так и односторонние орудия с этими элементами. Безусловно, проблема выделения разнообразных бифасиальных форм в микокских индустриях чрезвычайно сложна, тем более, что односторонние и двусторонние орудия здесь часто связаны технологическими цепочками. Решение этой проблемы не является задачей этой работы. В нашем случае важно то, что многие формы орудий близки типам, выделяемым в других микокских индустриях.

В более поздних индустриях сокращается процентное количество бифасиальных орудий, одновременно более широкое распространение получает частично-бифасиальная обработка. Особенно разнообразно она использовалась в материалах Баракаевской пещеры. Здесь представлено брюшковое уплощение на конвергент-

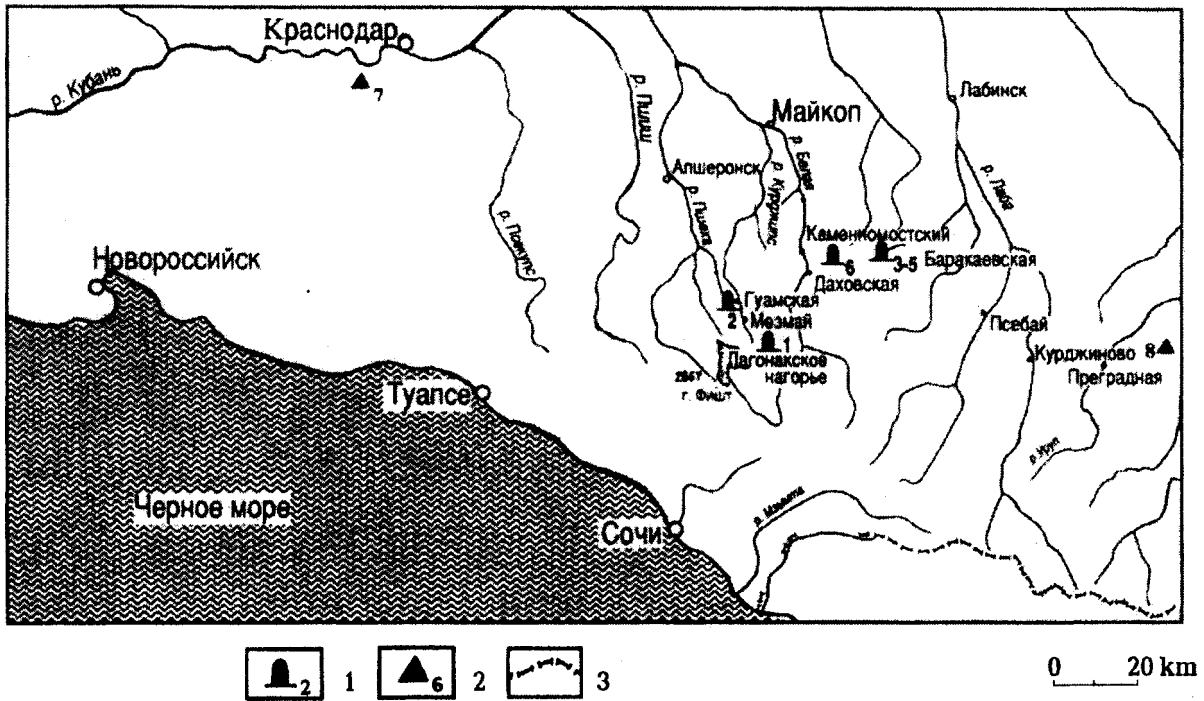

Рис. 1. Карта микокских памятников Северо-Западного Кавказа. 1- пещеры, 2- стоянки открытого типа, 3 - государственная граница России. (1 - Мезмайская пещера, 2 - пещера Матузка, 3-5 - пещеры Баракаевская, Монашеская, Губский навес, 6 - стоянка Ильская, 7 - стоянка Баранаха 4).

Fig. 1. Map showing Micoguian sites of the Northern Caucasus. 1 - caves, 2 - open air sites, 3 - state boundary of Russia. (1 - Mezmaiskaya Cave, 2 - Matuzka Cave, 3-5 - caves of Baracaevskaya, Monasheskaya, Gubs Rockshelter 1, 6 - Il'skaya 1, 7 - Baranaha 4).

тных орудиях (рис. 6 - 7, 8), часто это уплощение со стороны спинки (рис. 6 - 13). Те же виды уплощения представлены на угловатых скреблах (рис. 6 - 20, 21), продольные скребла часто имеют уплощение обушка со спинки или с брюшка (рис. 6 - 17). Некоторые частично-бифасиальные орудия выглядят незавершенными (рис. 6 - 2). Из бифасиальных орудий представлены треугольные рубильца (рис. 6 - 1, 3, 6), нож типа Прондник (рис. 6 - 4). Близка ножам Бокштайн форма на рис. 6 - 5. Несколько вещей близки Чокурчинским треугольникам (рис. 6 - 22).

Мнение об увеличении утончений и двусторонних орудий от нижнего к верхнему уровню Баракаевской пещеры от 1,8% до 7,4% [Беляева, 1999, с. 162] скорее отражает взгляд автора на возможность подобного трактования статистической вариабельности, а самое главное — на тафономию культурного слоя. Культурный слой в Баракаевской пещере представляет собой сутлинок, переполненный щебнем, мощностью всего лишь 20-30 см. И различия, выявленные в нижних и верхних горизонтах, по-видимому, отражают не реальные изменения индустрии во времени, а процессы накопления и сохранения культурного слоя. Один факт нахождения большей части чешуек в нижнем горизонте [Любин и др., 1994, с.146] уже позволяет задуматься о реальной ситуации внутри слоя, когда мелкий материал просеивался в нижнюю часть. Да и изменения процентов в указанных пределах, возможно, отражают статическую вариабельность данного показателя. Важнее то, что количество бифасиальных и частично-бифасиальных орудий в Баракаевской пещере близко слою 4 и горизонту 3 слоя 3А [Беляева, 1999, с. 162], т.е. низам Монашеской пещеры.

На следующем этапе в индустриях этого круга бифасиальные орудия становятся единичными. Из Губского навеса известно только одно подтреугольное рубильце (рис. 9 - 1). В старых материалах из Монашеской пещеры бифасиальные орудия отсутствовали, но в новой коллекции из раскопок Е.В.Беляевой присутствуют бифасы и бифасиальные скребла [Беляева, 1999, с.189]. В материалах верхних слоев 2-2А Мезмайской пещеры имеются бифасиальное скребло с обушком (рис. 7 - 13) и треугольное рубильце. Следует отметить также наличие форм, близких "четырёхугольникам" (рис. 7 - 14). Здесь встречаются односторонние орудия этой разновидности. Треугольные рубильца найдены также на стоянке Баранаха 4 [Доронищев, 1995]. Кроме того, отсюда известны частично-бифасиальные скребла-ножи близкие ножам типа Прондник (рис. 11 - 8). Орудие на рис.

11 - 7 также имеет продольный ретушированный край и косо поставленный к нему, как у ножей Прондник, обушок с длинными уплощающими сколами с него. Однако, оно очень специфично — скребло оформлено с брюшка на пластинчатом сколе. Столь же атипично скребло близкое ножам Прондник из слоев 4В-С пещеры Матузка (рис. 10 - 5). Это одностороннее скребло имеет подтеску на лицевую сторону с косопоставленного обушка, и этот признак сближает его с названным типом.

Частично-бифасиальные орудия в поздних памятниках этой группы представлены теми же вариантами, что и в ранних. Широко распространен прием утоньшения с брюшка или со спинки на конвергентных орудиях: рис. 8 - 4, 5 в Монашеской пещере, рис. 9 - 2 в Губском навесе, рис. 7 - 2 в верхних слоях Мезмайской пещеры. Подобное утоньшение часто имеют скребла угловатые (рис. 8 - 9, 12) и простые (рис. 8 - 10; 9 - 7; 10 - 5), а также скребки (рис. 8 - 18; 9 - 9). Встречается также уплощение с брюшка рабочего лезвия на диагональных (рис. 7 - 15) и поперечных (рис. 7 - 16) скреблах. Уплощение обушка отмечено на простых скреблах (рис. 7 - 13).

Практически во всех памятниках выделены лимасы. Везде их число невелико. Но в ранних памятниках (нижний и верхний слои стоянки Ильская 1, слои 3 и 2В Мезмайской пещеры) они более многочисленны. Практически везде они представлены небольшими массивными формами (рис. 1 - 5; 5 - 11; 11 - 6). Только в Ильской присутствует вторая разновидность: крупные, плоские, широкие лимасы [Замятнин, 1934].

Такой же неотъемлемой частью этих индустрий являются скребки. Они есть в Ильской (рис. 4 - 9, 11), нижних слоях Мезмайской пещеры (рис. 5 - 6, 12). Часто это атипичные формы, близкие поперечным скреблам. И в более поздних памятниках этой группы скребки представляют собой достаточно аморфную группу. Общей их чертой является то, что все они изготовлены на отщепках, как правило, достаточно массивных, коротких и широких. Они могут иметь широкий слегка выпуклый край (рис. 6 - 15, 16; 8 - 15; 9 - 6; 11 - 5), иногда — арочный (рис. 8 - 19). Некоторые формы напоминают скребки с носиком (рис. 8 - 22). В Монашеской пещере и Губском навесе 1 есть скребки с подправленными продольными краями и иногда с утоньшениями с брюшка (рис. 8 - 18; 9 - 9). Для Монашеской пещеры отмечено увеличение количества скребков от нижнего слоя к верхнему, появление серийности разных групп и скребков на пластинах в верхних горизонтах [Беляева, 1999, с. 105]. В поздней группе памятников имеются изделия с резцовыми сколами, но, во-первых, это немногочисленные изделия, во-вторых,

это, как правило, плоские резцовые сколы, встречающиеся на разных орудиях или сколах. Часто это простые угловые резцы, часть из которых могла образоваться за счет разнообразных повреждений. Бесспорные, хорошо выраженные резцы — единичны.

В совокупную группу орудий со сходящимися лезвиями входят достаточно разнообразные формы. Среди угловатых скребел достаточно устойчивы две группы. Они представлены во всех памятниках Восточно-Европейского микока на Северном Кавказе. В первую группу входят угловатые скребла, у которых поперечный край практически параллелен площадке отщепа, обработанные края сходятся под острым углом (рис. 4 - 7; 5 - 7; 7 - 9, 10; 8 - 9; 8 - 4; 10 - 4). Вторую большую группу угловатых скребел составляют формы с диагонально скошенным краем, которые иногда называют угловатые острия или скошенные острия (рис. 4 - 6; 5 - 13; 7 - 7, 8; 6 - 9, 10, 11; 8 - 6, 7; 9 - 3; 10 - 1). Другие разновидности угловатых скребел встречаются реже, обычно в единичных экземплярах. Есть скребла, у которых прямой и часто длинный продольный край соединяется с коротким поперечным под углом близким к прямому (рис. 4 - 8; 8 - 12, 25; 11 - 10). Иногда выделяют горбовидные острия, которые отличаются от скошенных острий лишь тем, что их поперечный край имеет выпуклую форму (рис. 8 - 8). Однако, в материалах рассматриваемых памятников эти орудия единичны, как и другие формы, например, на рис. 5 - 8. А орудия, выделенные В.П. Любимым в материалах Баракаевской пещеры [Любин, 1994, с. 121], как тройные скребла, близки формам, которые в крымских материалах выделяют как односторонние, частично-бифасиальные и бифасиальные треугольники и четырехугольники [Степанчук, 1991].

Группа конвергентных орудий в данных индустриях весьма переменна:

- Хорошо выделяются небольшие относительно широкие (длина/ширина: 1,4-1,5) конвергентные формы на тонких отщепках, обработанные приостряющей ретушью (рис. 4 - 2; 5 - 2; 7 - 2; 6 - 12). Основание их дополнительно утоньшено со стороны спинки ядрищным приемом со специально сделанной площадки.

- Достаточно многочисленна и переменна группа орудий, называемых мустьерскими наконечниками. В нее формально могли бы быть включены и орудия предыдущей группы, также как и близкие по пропорции (длина/ширина: 1,2-1,5) конвергентные формы, которые от предыдущей группы отличаются более крупными размерами, большей массивностью и отсутствием утоньшения основания (рис. 5 - 5; 7 - 6; 6 - 8; 7 - 2, 3; 10 - 2, 3).

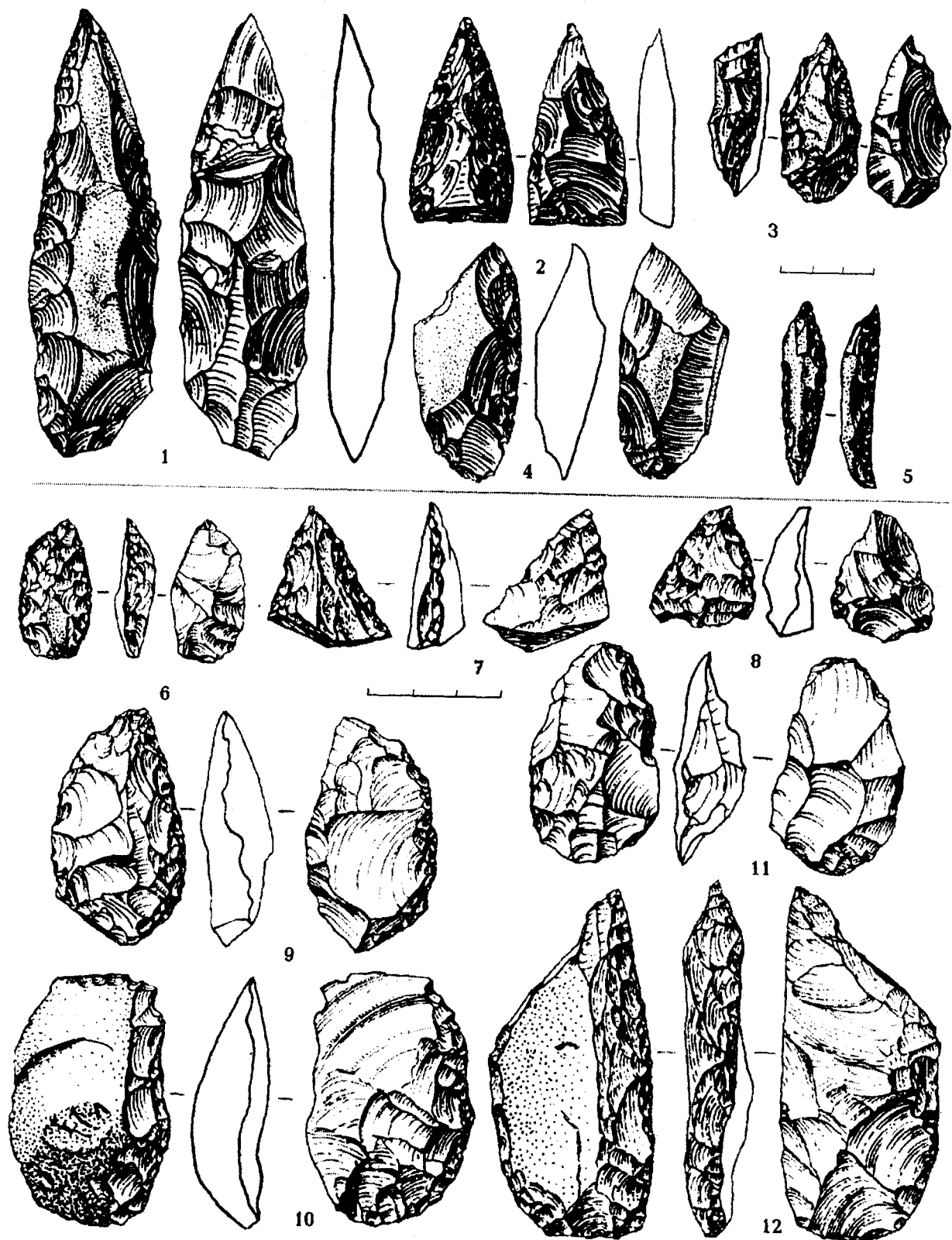

Рис. 2. Стоянка Ильская 1. Орудия. 1-5 - по Замятнину.

Fig. 2. Il'skaya 1 site. Tools. 1-5 - after Zamyatnin.

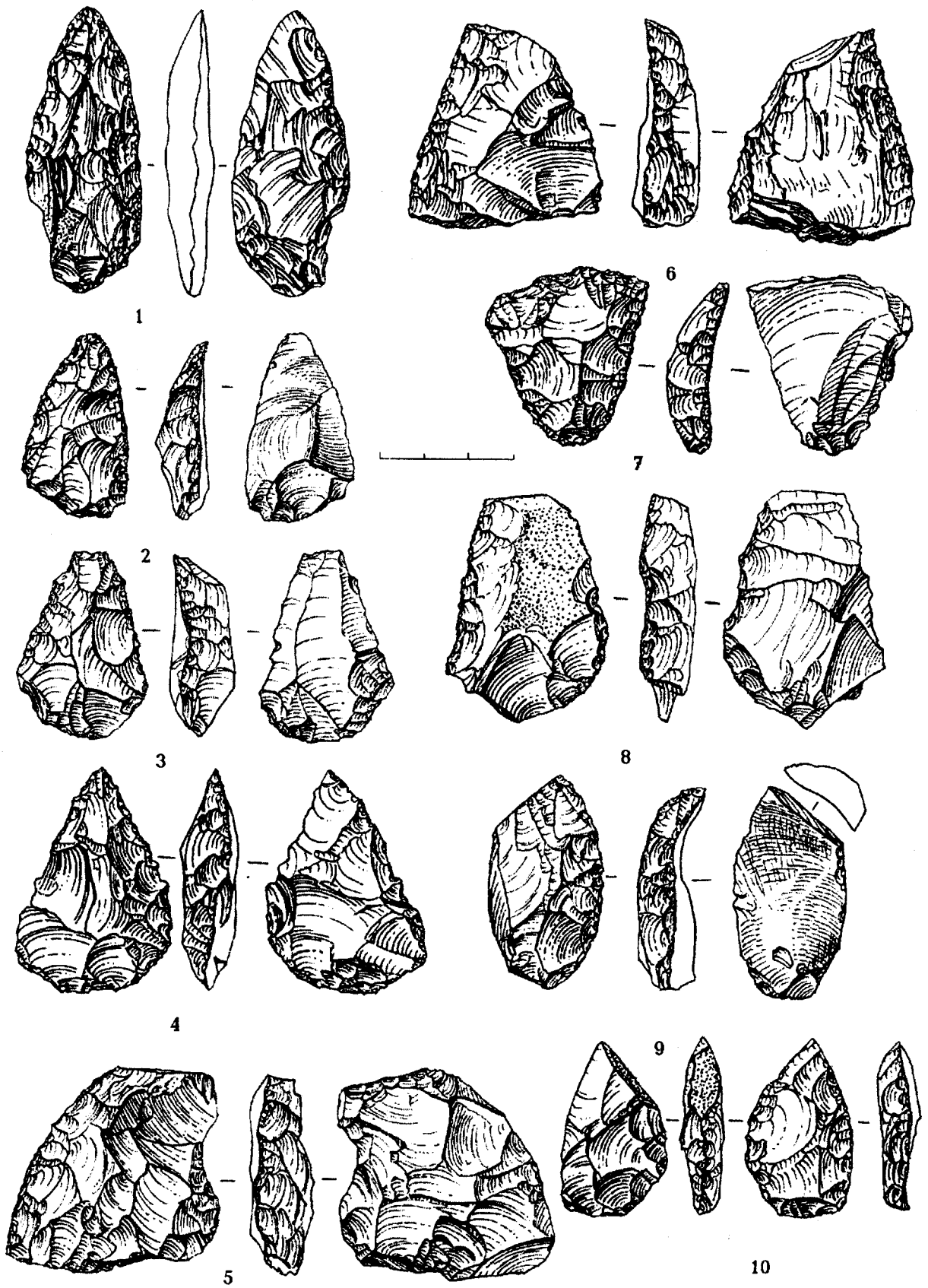

Рис. 3. Мезмайская пещера. Слои 3-2в. Орудия.

Fig. 3. Mezmaiskaya Cave. Layers 3-2c. Tools.

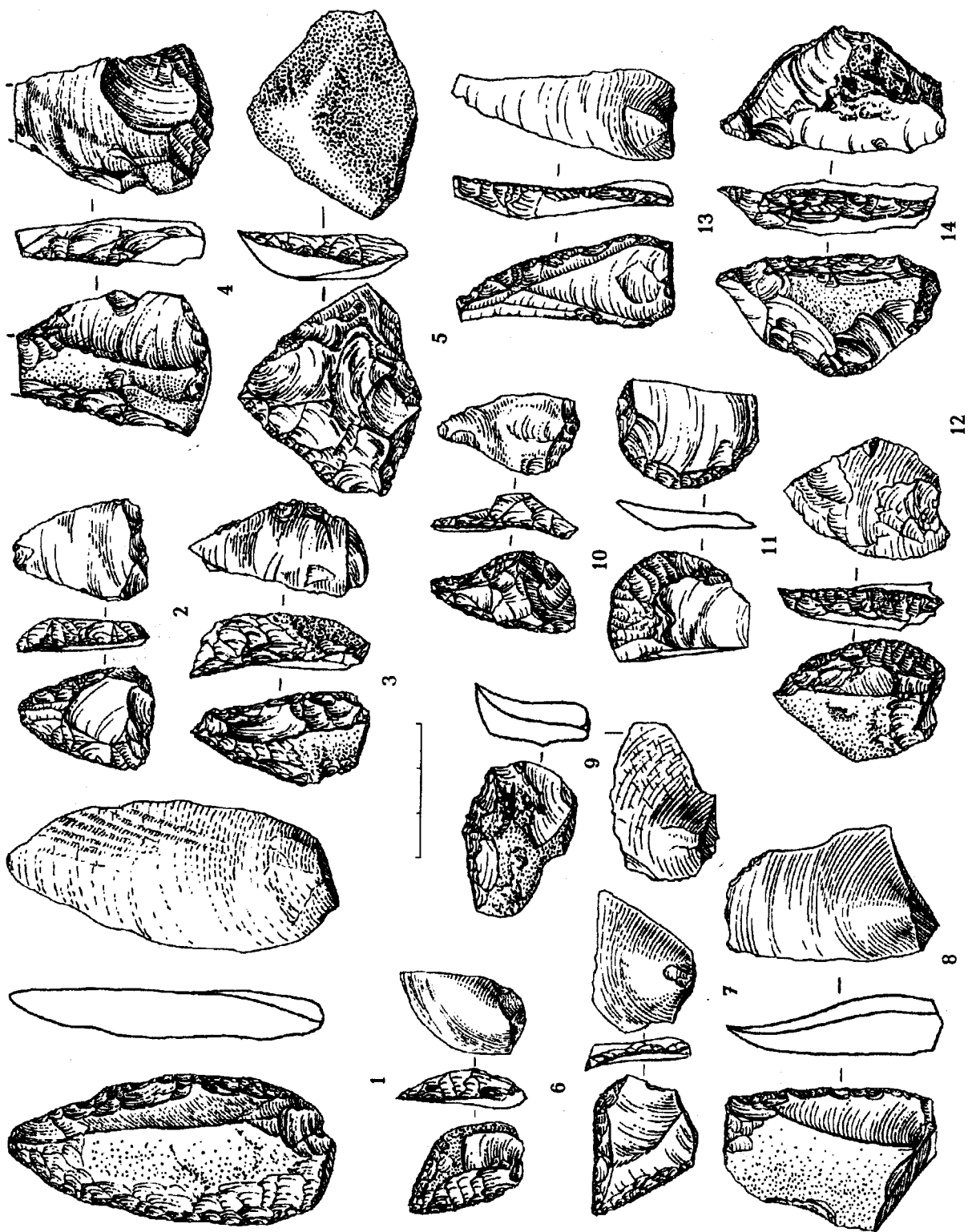

Рис. 4. Стоянка Ильская 1. Орудия.

Fig. 4. Il'skaya 1 site. Tools.

- Выделяются также крупные удлиненные (длина/ширина: 2-2,5) конвергентные орудия, обработанные полукрутой ретушью и имеющие приостренный конец (рис. 4 - 1; 5 - 1; 8 - 1; 9 - 2; 11 - 4). Они похожи только по общим пропорциям и характеру обработки, но имеют разные очертания краев, иногда скошенное острие, основание чаще не обработано, но могут быть и исключения.

- Близка этим орудиям группа еще более удлиненных орудий (длина/ширина: более 2,5), на более тонких пластинчатых заготовках, изготовленных менее интенсивной приостряющей ретушью (рис. 5 - 4; 7 - 1; 6 - 14; 7 - 4; 11 - 1, 2). Хотя характер их обработки может сильно отличаться (ср.: рис. 7 - 1 и 5 - 4).

Однако, вариабельность конвергентных орудий не исчерпывается перечисленными выше вариантами. Достаточно часто встречаются также и очень массивные, с массивным в профиль острием формы (рис. 4 - 3, 5 - 3; 11 - 3), чаще определяемые как конвергентные скребла, и другие разновидности (рис. 4 - 4; 7 - 4; 6 - 7).

В любом случае, создание типологии столь многочисленной и разнообразной группы конвергентных орудий, как в индустриях Восточно-Европейского микока, является очень важной задачей для определения специфики этих индустрий внутри огромного микокского ареала на разных этапах их развития. Однако, эта большая работа — дело будущего, а перечисленные выше варианты уже сейчас могут использоваться для сравнения памятников.

Скребла простые продольные составляют около 1/3 всех орудий почти во всех памятниках (табл. 3). При всей своей многочисленности эти орудия не отличаются особенным разнообразием. Чаще всего они имеют продольное лезвие, оформленное полукрутой чешуйчатой ретушью (рис. 4 - 12, 13; 8 - 11, 20, 21, 23), хотя представлены орудия и с очень крутой многоступенчатой ретушью (рис. 7 - 11). Встречаются скребла, оформленные округлыми снятиями (рис. 7 - 12). Большая часть скребел имеет обушок: короткий (рис. 4 - 12; 5 - 9; 7 - 11; 6 - 19; 8 - 16, 24; 8 - 7; 11-9) или обушок-грань (рис. 4 - 13; 7 - 12; 6 - 18; 8 - 11, 20, 21; 9 - 8). Как уже было отмечено, скребла двойные, диагональные и поперечные во всех рассматриваемых индустриях — единичны.

Зубчатые и выемчатые орудия представлены во всех микокских памятниках Северного Кавказа. Они не имеют качественных отличий. Во многих индустриях представлены треугольники с клетонскими и ретушированными выемками, сколы с зубчатой ретушью, обычно однорядной, фасетки небольших размеров округлых или укороченных очертаний.

Таким образом, все индустрии, включенные в группу микокских на Северном Кавказе, имеют следующий набор компонентов: наличие бифасиальных орудий, присутствие лимасов, скребков/резцов, совокупной группы орудий со сходящимися лезвиями, скребел простых и зубчатых орудий (см. табл. 1). Как уже было отмечено выше, "ядром" этих индустрий являются скребла простые и орудия со сходящимися лезвиями. Вместе орудия этих двух групп составляют более половины орудийного набора во всех памятниках (табл. 2). Следует отметить, что особых изменений этих показателей во времени (от ранних индустрий к поздним) не наблюдается. В целом, показатели группы орудий со сходящимися лезвиями колеблются в районе 20 %. Процентный состав скребел простых изменяется в пределах 20-30 %. В нижних слоях Мезмайской пещеры он как будто больше на 10 %, чем в более поздних памятниках, таких как Баракаевская, Монашеская пещеры, Губский навес 1.

Однако, в верхних слоях Мезмайской пещеры процентный состав скребел простых больше, чем в нижних (табл. 2). Это отклонение, так же как и очень высокий процент орудий со сходящимися лезвиями в пещере Матузка, могли быть вызваны фациальными причинами. Поскольку в слоях 4В-С Матузки мы, скорее всего, имеем дело с кратковременными стоянками. С другой стороны, в верхних слоях Мезмайской пещеры, где также сохранились следы кратковременного пребывания человека, процент орудий со сходящимися лезвиями в 2 раза ниже, чем процент скребел (табл. 2). В любом случае, для сравнения, безусловно, более корректно использовать равноценные источники. В данной ситуации — материалы стоянок Ильская 1, нижних слоев Мезмая, Монашеской, Баракаевской пещеры. Кратковременные стоянки свидетельствуют лишь о разноплановой жизнедеятельности обитателей этого региона. Интересно, что они пока известны только на позднем этапе.

Изменения, происходившие внутри Северо-Кавказских микокских индустрий на протяжении практически всего мустьерского вюрма, получили отражение в каменной индустрии. Для рассматриваемых памятников характерно параллельное расщепление. Уже на раннем этапе встречаются призматические нуклеусы, в том числе и с негативами снятия пластинок. Пластинки найдены в самом нижнем слое Мезмайской пещеры (слой 3), на участках, которые были перекрыты огромными глыбами известняка (2 x 4 м), упавшими во время формирования поздних мустьерских слоев. Это исключает проникновение пластинок из верхних поздне-

палеолитических отложений. В нижнем слое стоянки Ильская 1 самый низкий показатель пластин, но в верхнем слое он значительно возрастает (табл. 3). Показатели слоев 3 и 2В-4 Мезмая близки верхам Ильской. А в Монашеской пещере и Губском навесе 1 индекс пластин возрастает еще на 10 %. Необычно на этом фоне выглядит показатель пластин для Баракаевской пещеры — он близок показателям нижнего слоя Ильской 1. Возможно, это объясняется большой фрагментированностью изделий в Баракаевской пещере, что осложнило анализ пластинчатых заготовок [Любин, 1994, с.105]. Ниже, чем в Монашеской пещере, также показатель пластин в верхних слоях Мезмая. Но, как уже было отмечено, в это время Мезмайская пещера лишь эпизодически посещалась древними людьми, поэтому выборочность материала, безусловно, наложила отпечаток на облик индустрии. Согласно данным Е.В.Беляевой, индекс пластин в Монашеской пещере: слой 2 — 19,4; 3а — 16,4; 4 — 20,4 %. Однако, если исключить из общего количества сколов мелкие отщепы, то процент пластин увеличится: слой 2 — 29,4; 3а — 36,1; 4 — 22,4 (данные — Л.Г.). И сама Е.В. Беляева отмечает, что процент пластин вырастет до 32%, если при подсчете индекса пластин не "отбрасывать" мелкие пластины [Беляева, 1999, с. 86]. Следовательно, столь низкие индексы были получены из-за того, что из подсчетов были исключены мелкие пластины. Понять логику данного поступка не представляется возможным. Что касается большого количества мелких сколов в Монашеской пещере, то, как и в случае с Баракаевской пещерой, здесь следует учитывать, что эти памятники расположены на выходах сырья. На данных стоянках представлен весь цикл расщепления, и особенно полно — отходы расщепления. Именно этот факт накладывает отпечаток при сравнении их с другими памятниками.

Е.В.Беляевой были прослежены следующие признаки изменения во времени технологии расщепления в Монашеской пещере: 1 — в слое 4 "пластины играют несколько менее заметную роль", 2 — в слое 2 улучшение качественных характеристик пластин, "появление продуктов призматического скалывания" [там же, с.87]. Однако в целом автор настаивает на том, что в верхних слоях не происходит увеличения "пластинчатого производства" и на том, что не происходит "перестройки техники расщепления" [там же]. Но на стр. 142 той же работы отмечено, что в технологии получения пластин видны "слабые сдвиги" - увеличение числа правильных и реберчатых пластин и редуцированных площадок.

В целом, опираясь на данные опорных стоянок (Ильская, нижние слои Мезмая, Монашес-

кая), можно говорить о тенденции развития техники пластинчатого расщепления, что выражается в увеличении количества пластинчатых заготовок. Одновременно, процент подправленных площадок возрастает до 58,1 % в Монашеской пещере (от 53 до 49,3% от слоя 4 к слою 2, по Беляевой, 1999) по сравнению с 27,5 % в Баракаевской пещере. А количество ретушированных площадок увеличивается в три раза, соответственно: 33,8 % (от 40,3 до 36,1 от сл.4 к сл.2 — там же) в Монашеской и 10,6 % в Баракаевской пещере.

Увеличение количества качественных пластинчатых заготовок повлекло за собой увеличение количества орудий, сделанных на пластинах: 5,3 % - в нижнем слое Мезмая, 13,0 % (?) - в Баракаевской (цифра моя по публикации), 33,3 % - в верхних слоях Мезмая и 25,9 % - в Монашеской пещере (эти данные приведены только для группы простых скребел — [Беляева, 1999]). Хотя этот показатель для разных уровней колеблется, что, вероятно, является отражением фациальной вариабельности. Однако, данный признак хорошо диагностирует относительную хронологическую позицию индустрий.

Очень сильно отличаются индустрии ранних и поздних памятников по количеству бифасиальных орудий, где последние становятся единичными (см. табл. 3). Но нельзя сказать, что в поздних памятниках совсем исчезают какие-то разновидности бифасиальных орудий. На позднем этапе встречаются и треугольные рубильца (Монашеская пещера, Губский навес 1, Баранаха 4), и бифасиальные скребла (Монашеская пещера, Мезмай, Баранаха 4). Не встречены пока только листовидные бифасиальные наконечники.

Процентный состав орудий группы верхнего палеолита в целом имеет тенденцию к увеличению в более поздних памятниках (табл. 3), однако, этот показатель довольно неустойчив. При этом качественные характеристики скребков не меняются. Эта группа остается такой же аморфной, как и в ранних индустриях. В поздних памятниках, как будто, увеличивается количество вещей с резцовыми сколами (?).

Более ранние индустрии из Мезмайской пещеры и индустрии Губских памятников значительно варьируют по количеству зубчато-выемчатых орудий: для Мезмайской пещеры слой 3 — 5,0 %, слой 2В-4 — 2,0 %, а для Монашеской пещеры — 20,0 %, для Губского навеса 1 — 27,8 % и 37,2 % для Баракаевской пещеры. Хотя для верхних слоев Мезмайской пещеры этот показатель такой же маленький, как и для нижних слоев — 7.1 %. Хотя, возможно в этом случае следует учитывать, что сравнивая относительно одновременные индустрии Монашеской пе-

щеры, Губского навеса 1, с одной стороны, и материалы из верхних слоев Мезмая, с другой стороны, мы имеем дело с разнофациальными памятниками: с долговременными стоянками, в первом случае, и со следами кратковременного пребывания человека, во втором. Более важно в данном случае определить, является ли столь различный процентный состав зубчато-выемчатых орудий на раннем и позднем этапе развития рассматриваемых индустрий следствием фациальных причин или это хронологический и культурно-специфический признак.

Трасологическое изучение индустрии Монашеской пещеры [Щелинский, 1975] показало большое значение в коллекции этой стоянки орудий для обработки дерева. В индустрии Баракаевской пещеры В.П. Любин отметил такие же особенности [Любин, 1994, с. 164]: "Деревообделочное производство на Баракаевской было, таким образом, главенствующим". Следовательно, высокий процентный состав зубчато-выемчатых орудий в поздних индустриях отчасти является следствием фациальных причин. Однако, с другой стороны, поскольку процентное содержание зубчато-выемчатых орудий становится особенно высоким именно на позднем этапе, то этот показатель становится одновременно и хронологическим, и культурно-диагностическим. Ибо он определяет специфику индустрий именно на этом этапе, специфику, которая могла появиться за столь долгий промежуток времени. Но зубчато-выемчатые орудия, особенно их количество, не являются культуро-определяющими. И пример с верхними слоями Мезмая здесь особенно показателен. В данном случае важнее говорить о качественных характеристиках этих орудий — типах заготовок, видах обработки. А сравнение количества зубчато-выемчатых индустрий корректно лишь внутри одного круга индустрий, т.к. часто процентное содержание этой группы орудий на тех или иных памятниках зависит от фациальной ориентации стоянок и сохранности материала.

Сочетание 6 основных групп орудий (табл. 1) и типы орудий внутри этих групп определяют принадлежность памятника к рассматриваемой группе. Подобные или близкие индустрии обычно выделяют как Восточно-Европейский микок [Bosinski, 1967; Gabori, 1976] или Восточно-Европейское мустье [Праслов, 1984]. Ранние индустрии (Ильская 1 и низы Мезмая) находят аналогии во многих памятниках этого круга. По процентному содержанию бифасиальных орудий (ок. 14-15 %) из всех крымских памятников ближе всего материалы Киик-Кобинской культуры [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993].

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ

В результате анализа относительной хронологии всех памятников можно предварительно говорить о существовании в интервале: конец ресс-вюрма - ранний вюрм — вюрм I-II, стоянки Ильская 1 и слоев 3 и 2В Мезмайской пещеры. Возможно, периоду вюрма II соответствует Баракаевская и слои 2В-1,2,3 Мезмайской пещеры. На период вюрма II-III и вюрма III (в хронологическом диапазоне этого этапа, поскольку современные методы датирования не позволяют нам обсуждать вопрос сосуществования стоянок) приходится самое большое количество памятников: слои 2-2А Мезмайской пещеры, слои 4Б-В Матузки, слои 2-4 Монашеской и, возможно, стянга Баранаха 4 и Губский навес 1.

Климатические условия, в которых обитал неандерталец этого региона, были не слишком комфортны. Почти на всех стоянках зафиксированы холодные степные пространства, хотя между этими памятниками существует значительная разница в абсолютной высоте над уровнем моря (от 100 м в Ильской до 1350 м в Мезмайской пещере). Только в отдельные периоды и в отдельных районах фиксируются более мягкие условия: широколиственные влажные леса в слое 4В Матузки. Может быть, этому же интервалу соответствует слой 4 и низы слоя 3А Мошашеской пещеры с широколиственными лесами.

В пещерных стоянках из жилых структур известны только кострища (слои 2, 2А, 2В-2, 2В-3, 2В-4, 3 Мезмайской пещеры, слой 4В Матузки, Баракаевская и 1-й горизонт слоя 3А Монашеской) и очаги, обложенные плитками, но не заглубленные (слой 3 Мезмайской, Ильская 1).

Наличие жилища предполагается на стоянке Баранаха 4, где выявлена дуговидная кладка из плиток известняка, с внутренним пространством которой связаны основные находки. При расчистке слоя *in situ* оставались все элементы слоя, включая плитки известняка размерами более 5 см. Плитки имели в основном размеры более 15-20 см и достаточно плотно примыкали друг к другу, очерчивая дугу диаметром до 4-5 м. Эта дуга проходила почти по диагонали раскопа и уходила в его стенки. Интересно, что абсолютное большинство кремневых изделий залегало внутри этой дуги и среди скопления плиток известняка. Концентрация артефактов была довольно высокой: до 30-40 экз. на кв.м при мощности слоя 20 см. Все фаунистические остатки и угольки зафиксированы также внутри этого скопления. Однако, для окончательных выводов о наличии на данной стоянке элементов жилых конструкций необходимо продолжение раскопок на соседних участках.

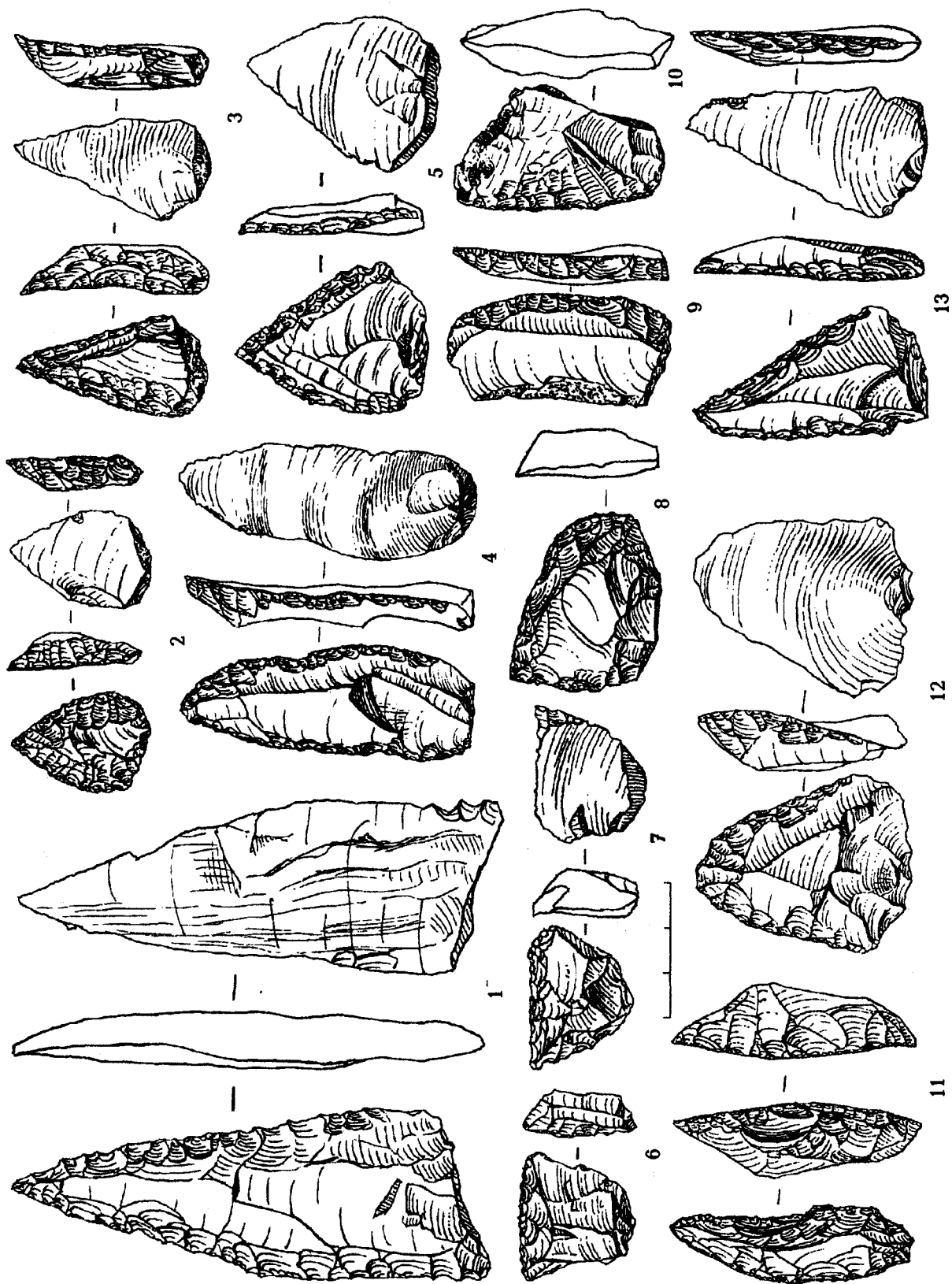

Рис. 5. Мезмайская пещера. Слои 3-2в. Орудия.

Fig. 5. Mezmaiskaya Cave. Layers 3-2b. Tools.

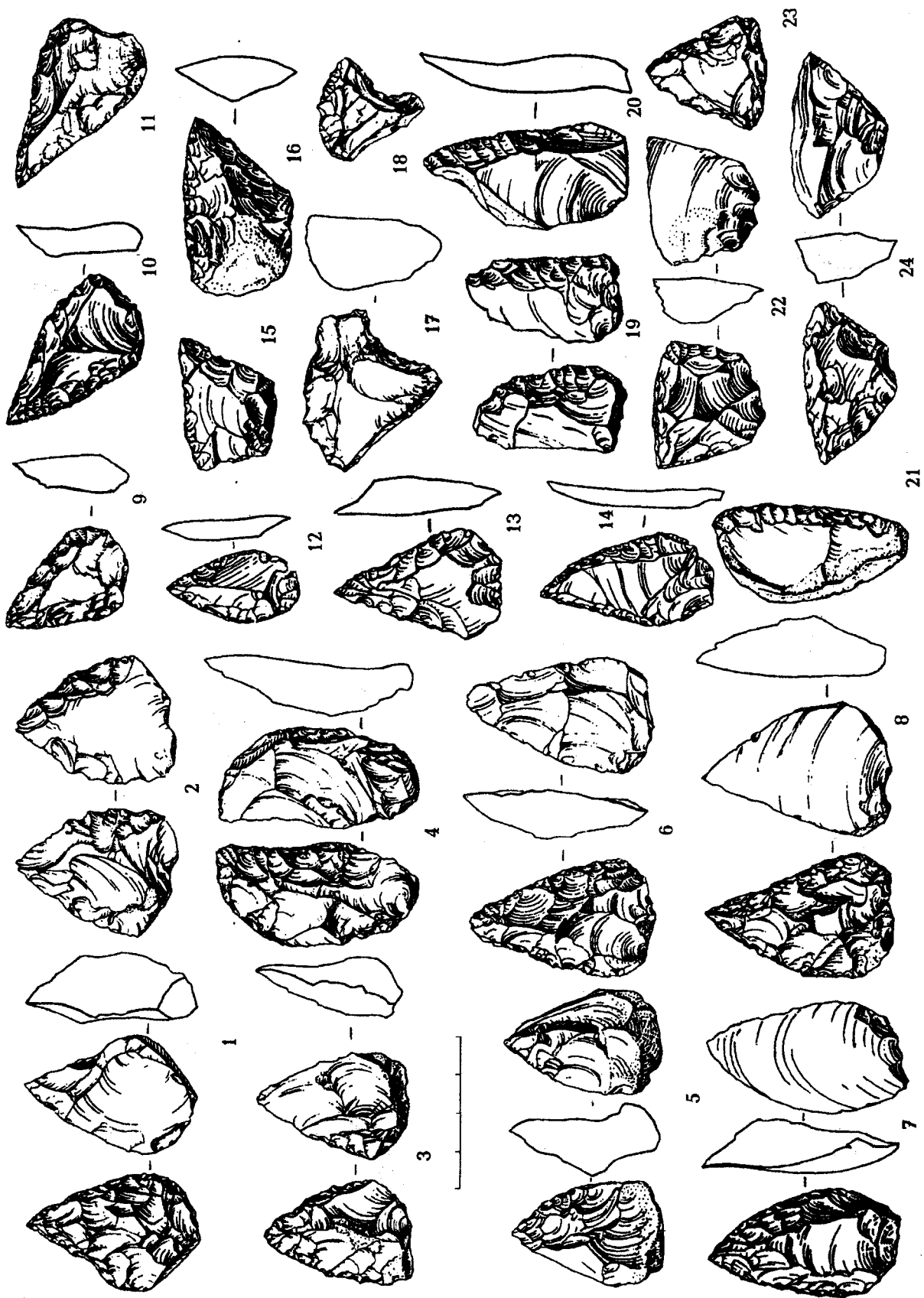

Рис. 6. Баракаевская пещера. Орудия - по В.П. Любину.

Fig. 6. Barakaevskaya Cave. Tools - after V. Lubin.

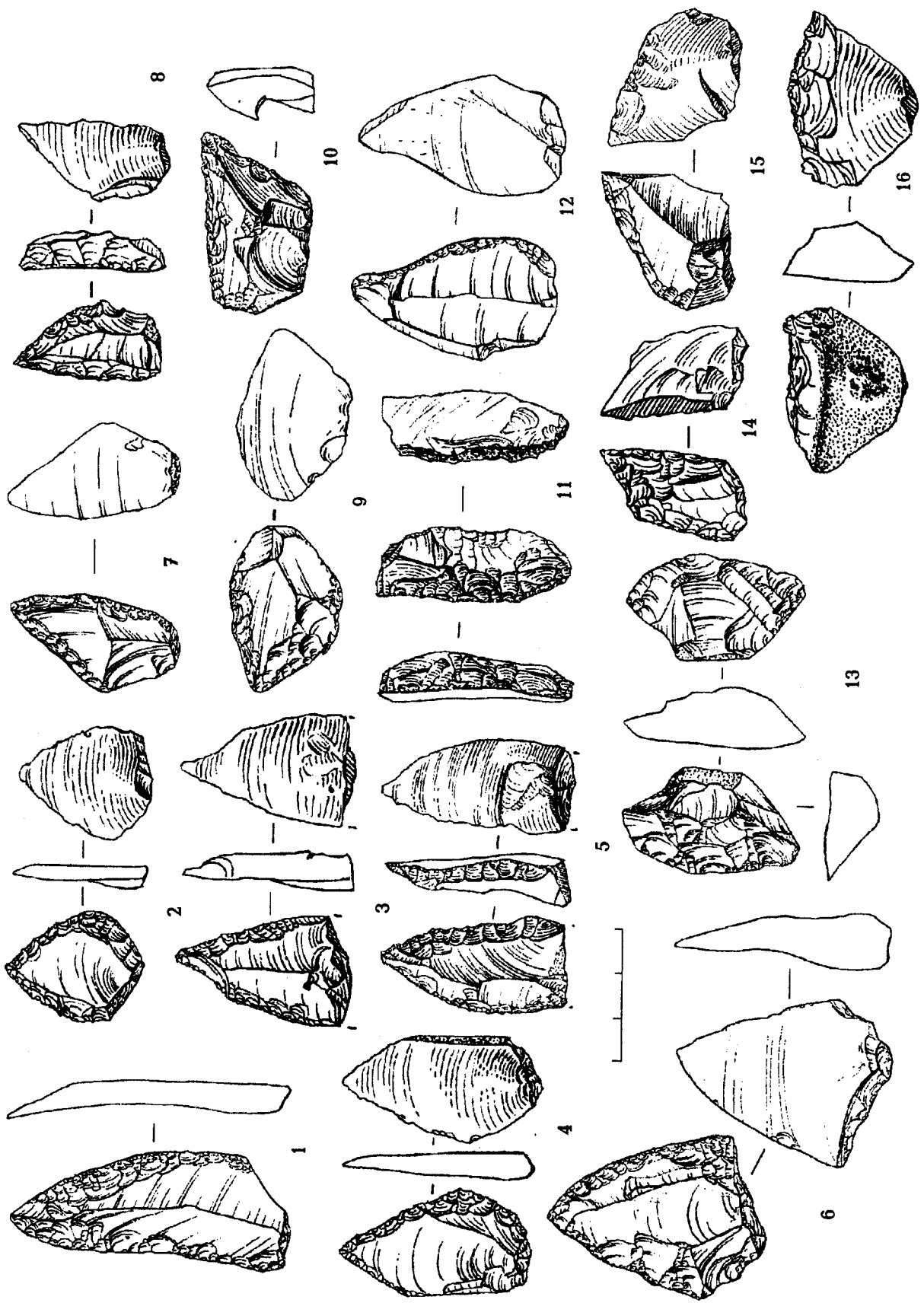

Рис. 7. Мезмайская пещера. Слои 2А-2. Орудия.

Fig. 7. Mezmaiskaya Cave. Layers 2A-2. Tools.

На стоянке Ильская 1 раскопками В.А.Городцова [Городцов, 1940], проводившимися более шестидесяти лет назад, была выявлена кольцевая кладка, но никакой документации не сохранилось. Методика раскопок того времени не позволяла достаточно тщательно исследовать и документировать объекты такого типа. В свое время высказывались мнения, что это, безусловно, остатки жилища [Ефименко, 1953]. Позднее В.Я.Сергин [1977] высказывал сомнения в подобном утверждении. В этой ситуации, конечно, любые рассуждения по этому поводу будут сомнительными. Поскольку не сохранились полевые чертежи, сегодня сложно обсуждать эту проблему. Возможно, будущие раскопки памятника помогут подтвердить или опровергнуть информацию о наличии остатков жилых сооружений на стоянке Ильская 1.

Интересны наблюдения по палеорельефу и условиям расположения стоянок открытого типа Ильская 1 и Баранаха 4. В современном состоянии терраса, на которой расположена стоянка Баранаха 4, имеет ширину 1-2 м. Принимая во внимание наличие делювиальных отложений, перекрывающих террасу, можно было предположить, что в мустьерское время она имела ширину до 3-5 м. Однако, раскопки выявили культурный слой, который залегает строго горизонтально и простирается от края террасы к ее тыловому шву на 8-9 м. Учитывая небольшие размеры балки, в которой расположена стоянка, а также сильную крутизну склона, можно предположить, что данная терраса примыкает к небольшому обрыву, возможно, скальному. Следовательно, палеорельеф стоянки очень сильно отличался от современного, и представлял собой широкую террасу, примыкавшую к обрыву.

Близкая палеотопография реконструируется и для стоянки Ильская 1 [Несмеянов, 1989]. Предполагается, что стоянка располагалась "на осушенном участке поймы и почти на уровне русла... Площадка была удобна и тем, что с трех сторон была окружена рекой, а с четвертой граничила с крутым, возможно обрывистым тогда склоном" [Несмеянов, 1989, с. 256].

В верхней части слоя 3 Монашеской пещеры выделен линзовидный горизонт со следами огня. Автор раскопок предполагает "наличие здесь искусственно ограниченного пространства с повышенной интенсивностью обитания, т.е. подобие жилища" [Беляева, 1994, с.8]. Поскольку в пещере собственно культурный слой накапливался не в глубине пещеры, а перед входом — под широким открытым навесом, то, по видимому, была необходимость дополнительной защиты от ветра. Позднее автор пишет лишь о локальном горизонте интенсивного обитания

[Беляева, 1999, с. 47], или о защите жилого пространства каким-то сооружением, "т.е. подобие жилища" [там же, с. 53].

Интересно также отметить, что интенсивность обитания снизу вверх в Мезмайской пещере уменьшается, а в Монашеской увеличивается. Остальные памятники однослойные и не несут информации о хронологических различиях интенсивности обитания.

Однако, следует обратить внимание на различия в типах стоянок в пределах раннего и позднего этапов существования ареала восточномикокских индустрий на Северном Кавказе. На раннем этапе мы имеем базовые стоянки на Ильской 1 (осенне-зимняя - ?) и в слоях 3-2В Мезмая (летняя - ?)[Barushnikov, Hoffecker, 1994]. На позднем этапе более долговременные стоянки существовали сначала в Баракаевской, затем в Монашеской и, может быть, на Баранахе 4. Но только на втором этапе появляются временные стоянки, такие как слой 4 Монашеской, слой 2-2А Мезмайской и слой 4Б-В Матузки. Сейчас сложно говорить, какие из этих памятников сосуществовали, поскольку для многих из них нет дат, и изучены они пока предваритель-но.

Вопрос о сосуществовании Баракаевской и Монашеской пещер уже поднимался в литературе [Беляева, 1999]. И на этом вопросе следует остановиться подробнее. Он может быть рассмотрен с двух сторон. Во-первых, решение данного вопроса опирается на интерпретацию имеющихся данных по климато-стратиграфии. Согласно последнему мнению Г.М.Левковской [Беляева, 1999, с. 158], оптимум в Баракаевской пещере (корка, перекрывающая культурный слой) может коррелироваться или с оптимумом в низах слоя 4 Монашеской пещеры или с оптимумом в горизонте 3 слоя 3А. В первом случае, вопреки мнению Е.В.Беляевой [там же, с. 163] нельзя говорить о сосуществовании стоянок, т.к. культурный слой Баракаевской пещеры получается явно раньше слоя 4 Монашеской пещеры. Во втором случае, если оптимум в низах слоя 3А Монашеской пещеры соответствовал оптимуму в Баракаевской, получается, что культурный слой Баракаевской пещеры синхронен слою 3Б (стерильный обвальный горизонт) Монашеской, что не противоречит и палеоклиматическим данным. Таким образом, синхронности в любом случае не получается, тем более "синхронности двух основных губских мустьерских стоянок" [Беляева, 1999, с. 163]; видимо, имеется ввиду слой 3А Монашеской пещеры и культурный слой Баракаевской.

Но, в любом случае, эта дискуссия преждевременна, поскольку она отражает лишь сегодняшнее понимание проблемы. Главное в дан-

Таблица 5

Памятники	Бизон	Другие копытные
Мезмай, сл. 2-2А	25,0 %	75,0 %
Монашеская	Преобладает ?	+
Баракаевская	33,3	66,7
Мезмайская, сл.2В-3	41,4	58,6
Ильская 1	87,9	12,1

Примечание: процентное соотношение подсчитывалось по количеству предполагаемых особей - [Baryshnikov, Hoffecker, 1994].

ной ситуации — это понимание того, что стратиграфические подразделения (= литологические слои) отражают лишь хроно-климатические этапы накопления отложений. Только подробный микро-стратиграфический анализ может дать информацию о механизмах формирования слоев, содержащих культурные остатки, и (для раннего и среднего палеолита) о реальных жилых уровнях внутри литологического слоя. И только доказанная синхронность этих уровней может позволить обсуждать вопрос о сосуществовании стоянок. Состояние проблемы на сегодняшний день - изученность памятников, а также современные методы - позволяют говорить лишь о тенденциях, основных направлениях и этапах.

Поэтому, в целом, можно говорить лишь о тенденции увеличения количества памятников в данном регионе на позднем этапе и их разнофациальности. Это, вероятно, свидетельствует о более широком освоении территории и, возможно, об экологических сдвигах (похолодание, изменение состава фауны), вынуждавших древнего человека совершать более отдаленные переходы для добычи пропитания, изменять охотничью стратегию.

ЗООАРХЕОЛОГИЯ И ОХОТНИЧЬИ СТРАТЕГИИ

На всех микокских памятниках Северо-Западного Кавказа абсолютно преобладают кости степного бизона [Baryshnikov, Hoffecker, 1994]. Особенно богатый состав костей и зубов бизона в Мезмайской пещере показывает, что это был регулярный лагерь охотников на бизонов, использующих выборочный метод добычи (охота на половозрелых особей). Другие стоянки Северного Кавказа (Ильская, Баракаевская) также содержат большое количество костей бизона, но подверглись воздействию воды и не дают много информации о взаимодействии неандертальцев и бизонов.

Большинство костных остатков бизона в Мезмайской пещере происходят из нижних слоев 2В и 3. Остатки (определены Барышниковым) классифицированы как *Bison priscus* (степной бизон) и представлены мелкой формой, которая найдена также и на других стоянках по-

зднего плейстоцена на Северо-Западном Кавказе.

В общей сложности во время раскопок 1987-1989 гг. было найдено 335 определимых костей и зубов. Кости из Мезмайской пещеры имеют прекрасную сохранность. Около 85 % костей из слоев 2В и 3 были классифицированы как стадия "0" или "1" по шестиступенчатой классификации. За исключением небольшого скопления сесамодидных, все кости в слое 2В и 3 были фрагментированы. Большинство фрагментов, особенно длинных костей, характеризуются как "свежие". На многих костях были обнаружены следы зубов или V-образные следы. Около 10% костей имеют погрызы от грызунов. На костях также обнаружены многочисленные следы ударов и использования.

В фаунистическом материале преобладают остатки особей в расцвете сил. Это указывает на то, что в нижних слоях Мезмайской пещеры существовала охотничья стоянка. Если бы это было естественное местонахождение костей, то здесь преобладали бы очень старые и очень молодые особи. Многочисленные следы от ударов каменных орудий показывают процесс разделки охотничьей добычи.

В заключение, следует отметить, что неандертальцы из Мезмайской пещеры не были охотниками на бизона, использовавшими загонную охоту, как в Северной Америке. Они охотились выборочно на бизонов в составе маленьких групп. Поскольку пещера расположена высоко над уровнем моря — более 1300 м, можно предположить, что она заселялась во время теплых месяцев.

На стоянке Ильская 1 также абсолютно преобладают кости бизона [Hoffecker, Baryshnikov, Potapova, 1991]. Здесь реконструируется сезонная стоянка — в осенние и зимние месяцы. В отличие от Мезмайской, здесь охотились на бизона в составе больших групп, на что указывают остатки очень старых и молодых особей. Степень утилизации костей бизона была меньше, чем в Мезмайской пещере (слой 3-2В), хотя также найдены костяные орудия. Сохранность костей, к сожалению, не позволяет получить достаточное количество информации о процессе их утилизации.

В Баракаевской пещере тоже доминируют кости бизона. Степень их фрагментации очень высокая. Как в Ильской и Мезмайской, здесь найдены костяные орудия. На основании состава костей предполагается, что на стоянку приносились наиболее мясные части туши. Значительную часть охотничьей добычи составляли молодые особи [Любин, 1994, с. 164].

Второй по численности категорией охотничьей добычи является совокупная группа коза/овца и олень. Роль этой группы особенно возрастает на позднем этапе (см. табл. 5). Данные, полученные по Мезмайской пещере, позволяют говорить о различных стратегиях охоты на бизона и на козу/овцу. Наличие среди остатков козы/овцы костей старых особей и детенышей указывает на то, что на них охотились в составе небольших групп. Отличался и способ доставки добычи на стоянку. Если бизонов разделявали на месте охоты, а на стоянку приносили наиболее мясные части туши, то козу/овцу доставляли целиком в пещеру, на что указывает более полная представленность всех частей скелета [Baryshnikov, Hoffecker, Burgess, 1996].

Только на стоянке Ильская 1 известны остатки мамонта. Однако, они имеют плохую сохранность. Сейчас сложно говорить являются ли эти кости остатками еды, материалом для изготовления орудий, топливом или чем-то др. [Baryshnikov, Hoffecker, 1994].

На таких временных стоянках, как Матузка (слой 4В-С) и Мезмайская (слой 2, 2А), присутствует пещерный медведь, особенно много его (около 50% реконструируемых особей) — в Матузке. Предполагается возможность периодической охоты на медведя [Baryshnikov, Hoffecker, 1994, p.12]. Однако, следы воздействия человека на кости пещерного медведя не обнаружены ни на одной стоянке, за исключением Матузки (слой 4В), где обожженные кости медведя найдены на площади мощного зольника.

В настоящее время опубликованы списки фауны с указанием количества особей только для стоянок: Ильская 1, Мезмайская, Баракаевская и Матузка [Hoffecker, Baryshnikov, Potarova, 1991; Baryshnikov, Hoffecker, 1994]. На стоянке Баранаха 4 найдены лишь 3 зуба, один из которых принадлежит бизону, а два других благородному оленю (определение Н.В. Гарутт). Для Монашеской пещеры полные списки фауны не опубликованы, а известны только предварительные данные. Данные для Губского навеса 1 отсутствуют. В литературе можно найти лишь упоминание о немногочисленных фаунистических остатках в Губском навесе 1 [Любин, 1977] и преобладании костей бизона в Монашеской пещере [Беляева, 1994]. В Монашеской пещере кости сильно раздроблены и данные о

количественном соотношении разных видов отсутствуют. Кроме бизона здесь определены: благородный олень, кавказский горный козел, косуля, гигантский олень, муфлонообразный баран [Беляева, 1999].

В таблицу 5 были сведены данные о соотношении остатков костей бизона, с одной стороны, и всех других копытных стадных животных, с другой. Эта таблица показывает плавное убывание остатков бизона от ранних памятников к поздним. Возможно, топографическое положение стоянок играло незначительную роль, чем может объясняться резкое доминирование бизона на стоянке Ильская 1, расположенной в предгорьях. Однако, несмотря на разницу в высоте над уровнем моря между Баракаевской и Мезмайской пещерой (слои 2В и 3), их топография приблизительно одинакова — обе они расположены в эскарпе, а над ними находятся высокогорные плато. Однако, в более поздней Баракаевской пещере количество костей бизона уменьшается. Полностью аналогична топография для слоев 2В и 3 и 2-2А Мезмайской пещеры, но состав фауны между этими уровнями существенно различается. Вероятно, сильное похолодание, отмеченное в верхах Мезмайской и Монашеской пещер, привело к изменению состава млекопитающих в этом регионе. Поэтому на позднем этапе происходит изменение охотничьей специализации. Безусловно, эти наблюдения носят исключительно предварительный характер и могут сильно измениться, когда будут изучены и опубликованы все фаунистические коллекции из описанных памятников.

В целом же, на сегодняшнем уровне изученности можно говорить, что на протяжении двух десятков тысяч лет на Северо-Западном Кавказе жили охотники на стадных животных. На раннем этапе можно предполагать определенную специализацию в охоте на бизона. В составе костных остатков из Мезмайской и Баракаевской пещер преобладают молодые особи, что может указывать на избирательный способ охоты. А на стоянке Ильская 1 отмечается охота на бизона в составе больших групп.

АНТРОПОЛОГИЯ

Именно на стоянках, относимых к Восточно-Европейскому микоку на Северном Кавказе, была сделана большая часть антропологических находок. В 1993 г. в основании слоя 3 Мезмайской пещеры был расчищен скелет палеоантропа в анатомическом порядке. Он залегал на правом боку, головой на север, левая рука вытянута вдоль туловища и немного согнута в локте. О положении ног судить сложно, поскольку кости были смещены от своего первоначального положения.

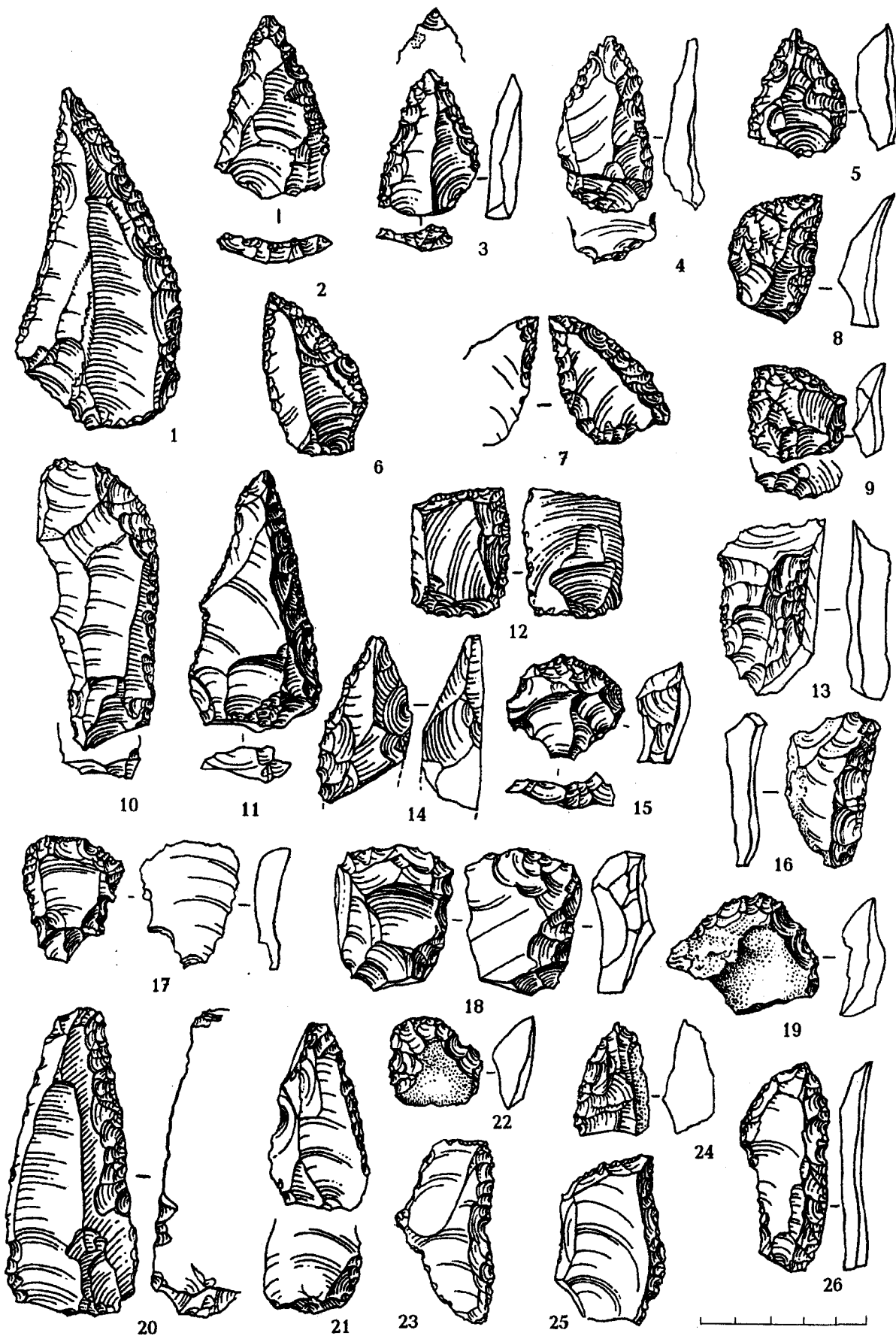

Рис. 8. Монашеская пещера. Орудия по В.П. Любину.

Fig. 8. Monasheskaya Cave. Tools - after V. Lubin.

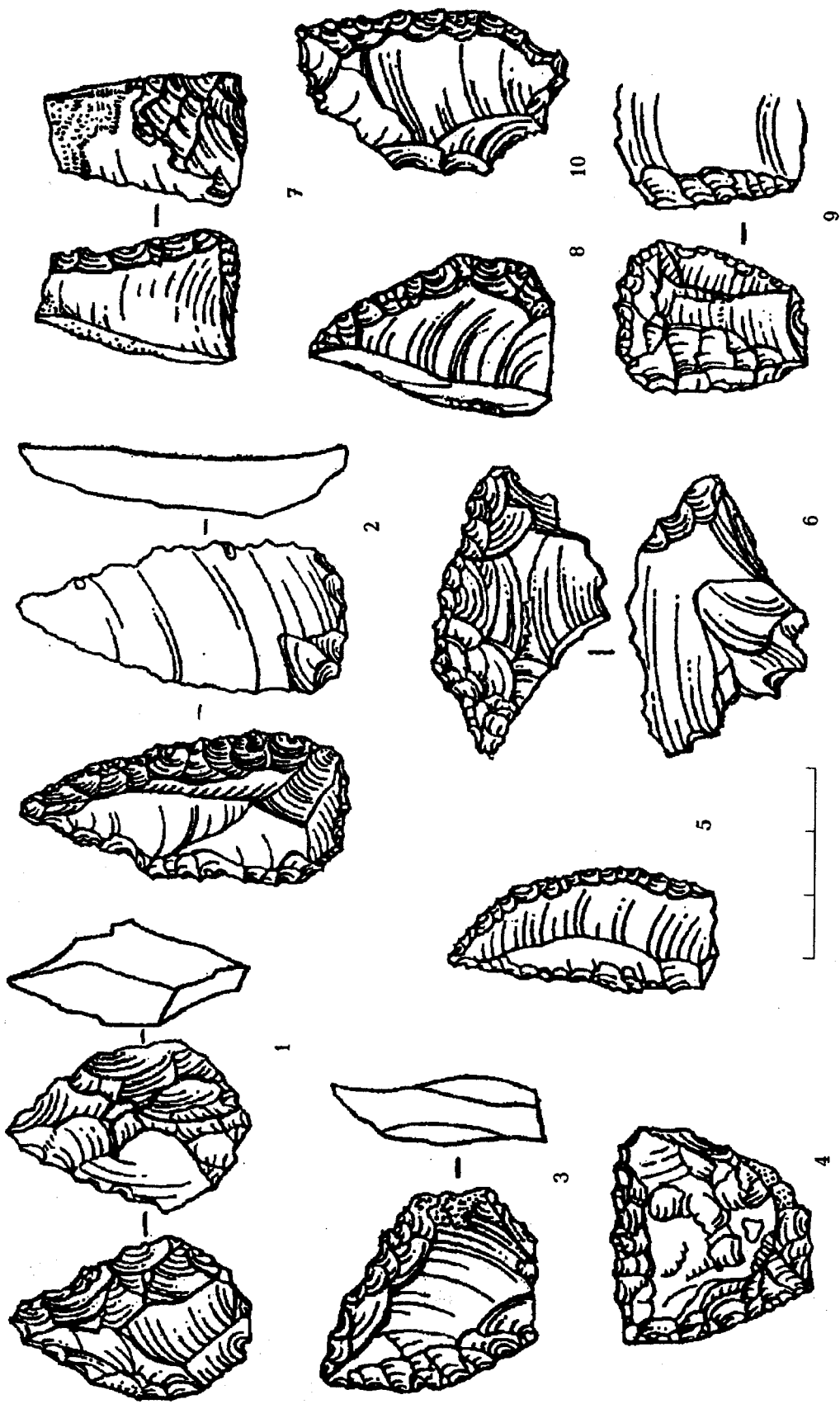

Рис. 9. Губский навес 1. Орудия по В.П. Любину.

Fig. 9. Gubs Rockshelter 1. Tools - after V. Lubin.

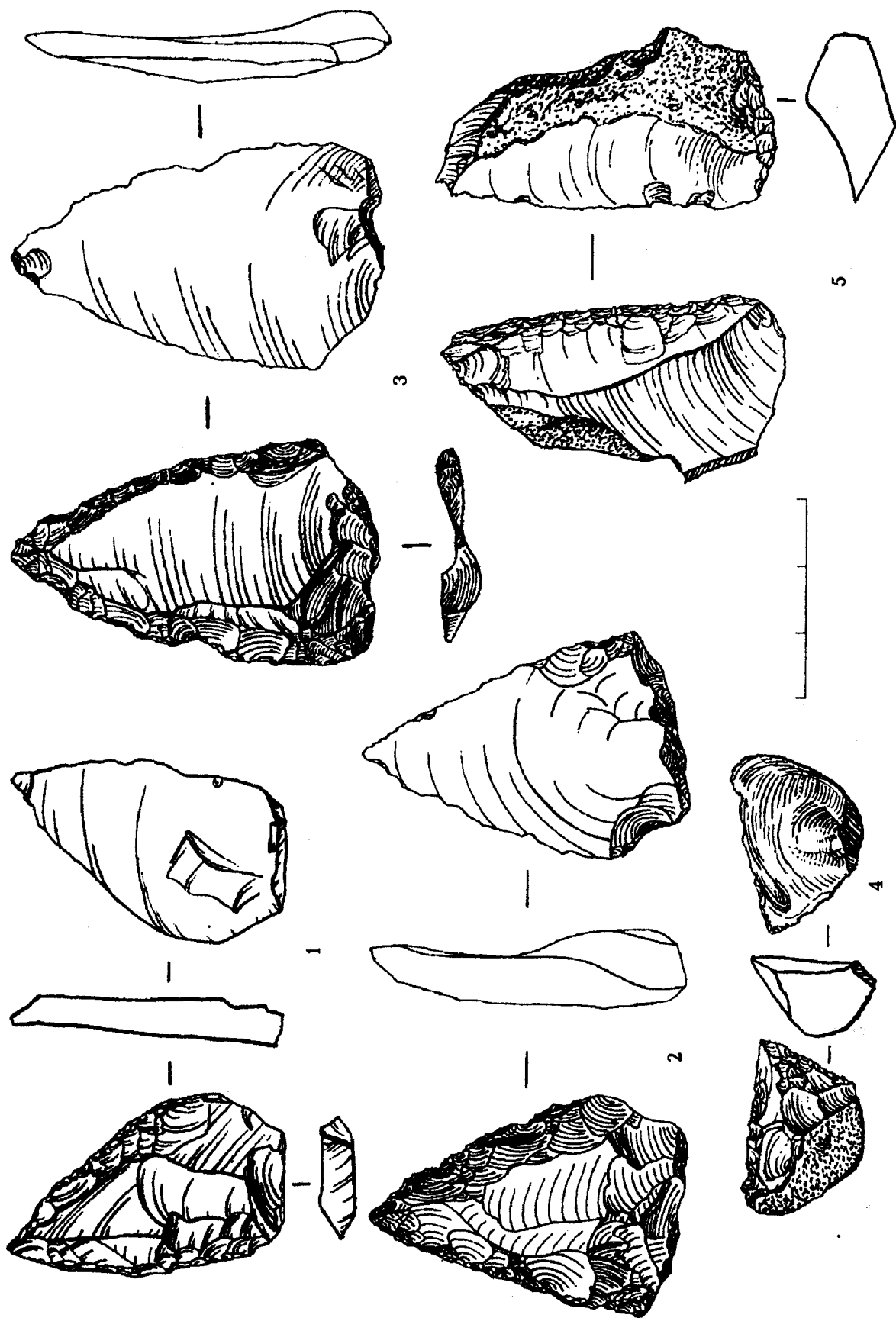

Рис. 10. Пещера Матузка. Слои 4в-с. Орудия.

Fig. 10. Matuzka Cave. Layers 4b-c. Tools.

Могильная яма не была выявлена. В процессе расчистки культурного слоя первоначально появилась черепная крышка, а затем был расчищен и весь скелет. Он находился внутри квадрата М-26 на площади 20х30 см. По полевым чертежам был построен микропрофиль, на котором показано залегание скелета, другие находки, границы слоев. Таким образом, был восстановлен реальный разрез отложений над костяком. Этот микропрофиль хорошо показывает, что культурные остатки полностью перекрывают костяк, а на его уровне не было найдено ни орудий, ни фаунистических остатков. Скелет залегал в нижних 3-5 см отложений слоя 3 на огромной известняковой глыбе. И хотя могильная яма не выявлена, мы все таки можем говорить о намеренном захоронении, поскольку в противном случае кости были бы растащены хищниками. Могильная яма могла не прослеживаться по нескольким причинам: ее небольшой глубине, значительным изменениям слоя за счет химических процессов, которые могли нивелировать различие в окрашенности слоя. Но основная причина, по нашему мнению, состоит в том, что углубление было сделано до или в самом начале формирования слоя, когда еще не было различий в качестве нижележащего суглинка и суглинка, с уровня которого было сделано углубление. Как показывают микропрофили, построенные по линии квадратов "М", костяк в современном состоянии залегал на относительно небольшой глубине - около 80 см. Его перекрывали слои 3 и 2В-4, а остальные пять мустьерских слоев на этом участке (перед выходом из пещеры) были смыты. Поверх слоя 2В-4 несогласно залегает голоценовый слой 1. Мустьерские культурные слои на этом участке были сильно пропитаны известняковыми растворами, особенно слой 3. Многие кости и каменные орудия покрыты брекчией. Нижняя часть слоя 3 представляла собой прочную брекчию, особенно на уровне костяка, поэтому его расчистка была особенно сложной. Но именно эта особенность культурного слоя позволила очень хорошо сохраниться костям скелета.

Возраст ребенка определен от 7 месяцев утробного развития до 2 месяцев после рождения [Голованова, 1994; Golovanova a.o., 1998]. В настоящее время закончена не только реставрация, но и морфологическое описание скелета ребенка из Мезмайской пещеры и его таксономическая диагностика. Это позволило автору исследования (Романова Г.П.) сделать следующие основные выводы:

1. На изученных костях скелета младенца из мустьерского слоя Мезмайской пещеры просматривается комплекс морфологических особенностей характерных для палеоантропов:

- массивность всех изученных костей, особенно двух первых позвонков, восьмого и девятого ребер, костей кисти;

- форма сечения тел в области наибольшего изгиба ребер;

- особенности морфологического строения первой пястной кости.

2. В силу возрастных особенностей строения костей неандерталоидные черты не проявляются у мезмайца в полной мере просто потому, что многие анатомические детали еще не сформированы. Однако, различия в размерах и форме костей между мезмайцем и современными новорожденными, и даже 9-ти месячным ребенком из Шанидара (в массивности костей кисти), не оставляют сомнений в таксономическом положении скелета.

3. Строение 6-9-го ребер мезмайского младенца свидетельствует о необычайном развитии группы мышц, прикрепляющихся к верхнему краю этих ребер.

Используя костный материал мезмайского младенца (ребро), И.В.Овчинников с коллегами провел анализ ДНК [Ovchinnikov et al., 2000]. Генетические исследования подтвердили антропологическое заключение о принадлежности индивидуума к неандертальцам. По ряду признаков мезмайский неандерталец близок неандертальцу из Фельдхофер, Германия. Это заключение не противоречит ни антропологическим, ни археологическим выводам, сделанным ранее [Голованова, 1994; Голованова, Хоффекер, Харитонов, Романова, 1998; Golovanova, 1996; Golovanova et al., 1996; 1998; 1999].

Однако, следует прокомментировать не только генетические выводы, опубликованные И.В.Овчинниковым, но также и другие заключения, сделанные в этой публикации. По костному материалу была получена коллоидная дата с использованием радиоуглеродного акселератора – 29195 ± 965 л.н. (Ua-14512). Это показалось автору достаточным, чтобы подвергнуть сомнению предыдущие радиоуглеродные даты для слоев 3 и 2В, а заодно походя обвинить автора раскопок в некорректной диагностике слоев. При этом полностью были забыты AMS даты для слоя 2А, полученные по углю из кострища, что предполагает их еще большую точность. Более того, И.В.Овчинников использовал эту единичную дату для глобальных построений и обсуждения проблемы "поздних неандертальцев". Дата, безусловно, сенсационная, и тем более она требовала повторения и уточнения по дополнительным образцам в разных лабораториях. Этот факт не требует доказательства ни для одного опытного специалиста, владеющего информацией по результатам датирования разными методами одних и тех же среднепалеоли-

тических памятников, а также памятников, имеющих серии дат для одного слоя (Ближний Восток, Крым). Поэтому авторы этой статьи оставляют за собой право не использовать эту дату до того момента, пока не будут сделаны повторные анализы, и "сенсация" будет подтверждена или опровергнута.

В целом, скелет ребенка из мустьерского слоя Мезмайской пещеры может быть классифицирован как *Homo neanderthalensis* или *H. sapiens neanderthalensis* близкий неандертальцам Восточной и Центральной Европы [Голованова и др., 1998; Golovanova A.O., 1999].

Вторая антропологическая находка в Мезмайской пещере была сделана в верхнем мустьерском слое 2. Из этого слоя в нижележащие слои 2А и 2В-1 была впущена яма, в которой найдено 24 фрагмента черепа ребенка в возрасте 1-2 лет. Как показывают микропрофили, эта яма примыкала к огромной глыбе (2,5х3,0х0,7 м), которая перекрывала раскопы нескольких лет и раскалывалась постепенно. Когда была убрана последняя часть глыбы, за ней и была расчищена яма. По данным Г.П.Романовой, фрагменты черепа имеют посмертную деформацию [Голованова, Романова, 1995]. Возможно, здесь мы имеем дело с разрушенным в древности погребением.

В Баракаевской пещере найдена челюсть и 10 изолированных зубов [Любин, 1994]. Они определены, как принадлежащие неандертальцу близкому Восточно-Европейским неандертальцам. В мустьерском слое 2 Монашеской пещеры найдены 2 фаланги, обломки позвонков, ребра, 2 резца и 11 фрагментов зубов неандертальца [Беляева, 1994]. Как считает автор, они могут относиться к разрушенному погребению.

Все антропологические находки на Северном Кавказе происходят из культурных слоев пещерных стоянок. На некоторых стоянках, та-

ких как Баракаевская пещера, единичные зубы, кости черепа и челюсть были найдены среди других культурных остатков [Любин, 1994]. На других памятниках, таких как Монашеская и Мезмайская пещеры, антропологические находки можно интерпретировать как остатки разрушенных погребений. К сожалению, по Монашеской пещере мы имеем очень мало информации об условиях залегания антропологических материалов: данные об их стратиграфическом, планиграфическом положении и контексте культурных остатков рядом с этими костями до сих пор не опубликованы.

Анализ стратиграфического положения антропологических находок в случае, когда мы имеем дело с погребением, обнаруживает их положение или в начале формирования культурных напластований (слой 3 Мезмайской пещеры) или в конце (слой 2 Мезмайской и Монашеской пещер), как бы фиксируя начало и конец стоянки. Захоронения эти единичны и не являются регулярными.

Подобная же ситуация, когда погребения были сделаны в конце жизнедеятельности стоянки, отмечена на некоторых позднепалеолитических памятниках: Сунгирь, Костенки 2 и 15. Они, вероятно, являются отражением традиции ритуальных захоронений в начале и конце жизнедеятельности поселения или отдельного жилища [Хлобыстина, 1993]. Возможно, малочисленность погребальных комплексов на палеолитических стоянках была связана именно с их специфическими функциями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Микокские памятники появляются на Северном Кавказе, вероятно, в ресс-вюрме — раннем вюрме. К сожалению, сегодняшняя ситуация, как с методами точного датирования, так и с уровнем изученности микокских памятников

Таблица 6

Памятники	% пластин	% бифасиальных орудий	% скребков/резцов	% орудий со сходящимися лезвиями
Мезмайская, слой 2В	27,7	10,6	0,5	27,3
Мезмайская, слой 3	23,9	12,6	0,5	20,1
Ильская, Верхний слой	25,0	+	14,2	21,0
Ильская, Нижний слой	15,4	+	4,4	20,0
Абдзехское	13,5	10,9	7,1	1,3
Фортепянковское	13,5	1,1	14,5	4,3
Курджипское	19,0	1,2	15,6	2,9
Среднехаджохская	4,3	1,2	25,8	-
Шаханское	8,8	0,1	31,0	-
Абинское	?	79,0	2,1	2,1

на Северном Кавказе, не позволяет определять начало нового этапа в истории региона более точно. Проблема возникновения микока в целом на сегодняшний день изучена достаточно плохо. Существует много гипотез о возникновении микокских индустрий. Большинство из них опираются на предшествующие позднеашельские индустрии с бифасами. Однако, не в одной из этих работ нет подробного сравнения предшествующих индустрий с микокскими.

На Северном Кавказе, как и в ряде других регионов, микоку предшествовали позднеашельские индустрии с бифасами. Остановимся на них более подробно. Основной характеристикой всех позднеашельских памятников Северного Кавказа является очень низкое содержание бифасов (см. табл. 6), за исключением Абинского местонахождения, где бифасиальные орудия составляют до 79 %. Но во всех этих индустриях, во-первых, представлены рубила, как правило, подтреугольных и подсердцевидных форм и листовидные наконечники (Абинская); а во-вторых, полностью отсутствуют бифасиальные скребла или скребла-ножи. Последние многие исследователи зачастую называют "руководящим ископаемым" микокских индустрий. Большинство орудий в позднеашельских памятниках изготовлено из отщепов. В этих индустриях не было "культы ретуши", который так характерен для всех микокских индустрий.

Состав орудий на отщепах также очень существенно отличается от микокских памятников. Главное отличие — в практически полном отсутствии совокупной группы орудий со сходящимися лезвиями (табл. 6). В микокских индустриях эти орудия обычно составляют четвертую часть орудийного набора, и, кроме того, значительная часть мустьерских остроконечников, угловатых скребел и других конвергентных орудий имеет частично-бифасиальную обработку.

Существует также ряд более мелких отличий по типам орудий на сколах и их процентному составу. Прежде всего, это касается различий в типах скребел. Хотя и в позднеашельских, и в мустьерских индустриях преобладают односторонние продольные скребла, характер их оформления принципиально различается. Главное отличие — в широком применении в микокских мустьерских памятниках приемов разнообразных подтесок и утоньшений, унифасиальных и частично-бифасиальных.

Совокупная группа орудий верхнего палеолита в рассматриваемых индустриях очень вариабельна как в количественном (табл. 6), так и в качественном выражении. Следует отметить, что во всех памятниках представлены преимуще-

ственно скребки и резцевидные изделия. Количество этих орудий не зависит от хронологической позиции памятника.

Техника расщепления в индустриях Северо-Кавказского региона развивалась в направлении получения все большего количества качественных пластинчатых сколов (табл. 6). В целом, для ранних микокских индустрий Ильской (верхний слой) и Мезмайской (слои 3-2В) отмечается увеличение количества пластин до 10% по сравнению с позднеашельскими памятниками.

Таким образом, уже самые ранние микокские индустрии обнаруживают резкие отличия от позднеашельских памятников, датируемых концом рисса — началом рисс-вюрма. Поскольку эти изменения носят резкий характер, то сложно предположить их появление как следствие плавных эволюционных изменений. Сейчас мы можем лишь предварительно обсуждать вопрос о механизмах этих изменений. Как нам кажется, сегодня можно предложить три варианта объяснений:

- первый, самый простой, вариант состоит в предположении, что на сегодняшний день не найдены переходные индустрии;

- второй вариант опирается на предположение о существовании в Европе и в Крыму более ранних микокских индустрий, откуда уже сформировавшийся микок распространился на Северный Кавказ где-то в конце рисс-вюрма - раннем вюрме;

- и третий вариант предполагает крупную техническую революцию в развитии предшествовавших позднеашельских индустрий, которая произошла в тот же временной отрезок — в рисс-вюрме.

Два последних варианта следует обсудить более подробно. Проблема генезиса микокских индустрий неоднократно обсуждалась в литературе [Хмелевский, 1965; Bosinski, 1967; Gaboі, 1976; Гладылин, 1976; Bordes, 1984; Колосов, 1986; Колосов, Степанчук, Чабай, 1993; Евтушенко, 1999; Колесник, 1999; Кухарчук, 1999]. Поэтому в данной работе мы не будем подробно останавливаться на ее историографии. Следует лишь отметить, что многие исследователи писали о вероятном происхождении микокских индустрий от местных ашельских памятников с двусторонними орудиями [Bosinski, 1967]. Вторая часть исследователей определяла два-три центра происхождения микока [Gaboі, 1976; Bordes, 1984; Кухарчук, 1999]. А третьи писали о том, что подоснова микока еще не выявлена [Гладылин, Ситливый, 1990].

Интересно то, что во многих регионах микоку предшествовали позднеашельские индустрии с малым числом бифасов и преобладанием

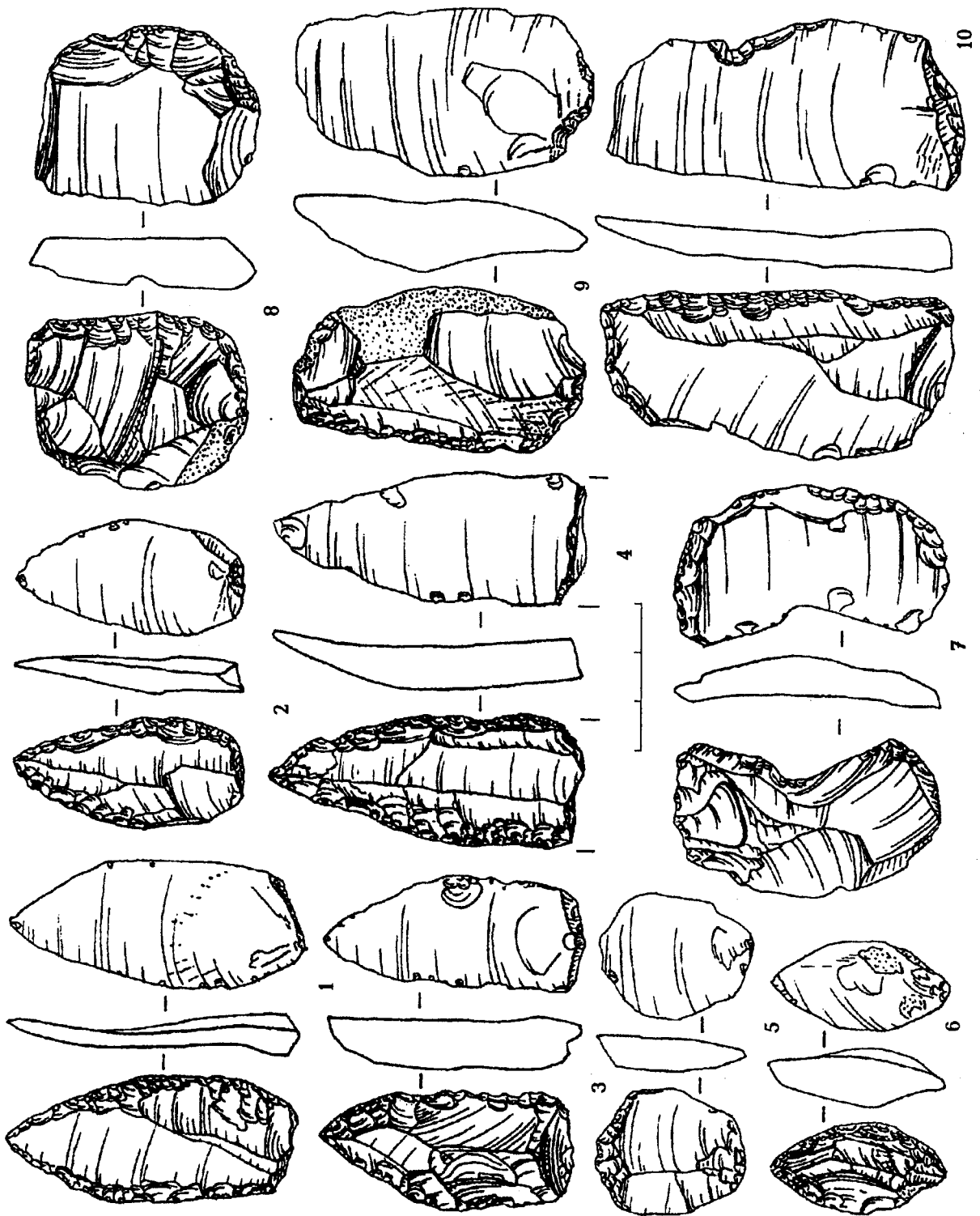

Рис. 11. Стоянка Баранаха 4. Орудия.

Fig. 8. Baranaha 4 site. Tools.

орудий на сколах. Но также, как и на Северном Кавказе, в Центральной Европе можно лишь гипотетически говорить о том, что микок происходит от фации Лебенштед, поскольку различия здесь такие же. В фации Лебенштед преобладают подтреугольные, подсердцевидные бифасы, мелкие рубильца, есть листовидные скребла [Bosinski, 1967, p. 35-37], и полностью отсутствует совокупная группа бифасиальных ножей (Keilmesser - там же, с. 29). В группе орудий на отщепах совокупная группа орудий со сходящимися лезвиями почти не представлена.

Проблема, вероятно, отчасти связана с тем, что изменения в технологии произошли настолько стремительно, что современные методы датирования не позволяют нам сегодня обсуждать вопрос о распространении микокской новации из одного или из нескольких центров. По-видимому, эта техническая революция, или техническое изобретение широко распространилось в росс-вюрме, который длится, по сегодняшним оценкам, порядка — 10 тыс. лет, датируется 128-118 тыс. л. и соответствует стадии 5е кислородно-изотопной шкалы [Bowen, 1978; Gamble, 1986].

Представляется не объективной позиция "притягивания" фактов под идею распространения микока с запада на восток [Евтушенко, 1999]. Возможно, эта гипотеза и найдет свое подтверждение, но только на пути научного решения проблемы. Сегодня же мы можем говорить, что существуют современные данные, которые свидетельствуют о появлении микокских индустрий в росс-вюрмское время в разных регионах: Бокштайн (инвентарные типы Бокштайн и Клаузенише, по Бозинскому [1967] датируются земским межледниковьем), Заскальная IX [Колосов, Степанчук, Чабай, 1993, с. 20], Сухая Мечетка, Ильская [Праслов, 1984; Кузнецова, 1985]. Вопрос о датировании таких опорных памятников Восточно-Европейского микока, как Сухая Мечетка и Ильская 1, в настоящее время упирается лишь в одну проблему — в проведение работ и датирование памятников современными методами. Кстати, кроме Сухой Мечетки в Поволжье исследованы и продатированы стоянки Заикино Пепелище и Челюскинец [Кузнецова, 1989; 1992; Кузнецова, Сергин, 1999], но эти данные не прокомментированы [Евтушенко, 1999]. До проведения этих работ дискуссии вокруг этой проблемы будут опираться лишь на результаты исследований многолетней давности или на частные мнения. Целенаправленное изучение и обсуждение ранних памятников во всем "микокском" регионе представляется важным и насущно необходимым в ближайшее время.

В росс-вюрмское межледниковье индустрии микокского облика распространяются от Франции до Волги. Сегодня мы не имеем достаточно оснований, чтобы обсуждать вопросы:

- было ли это в виде миграций населения, чему способствовала охота на подвижные стада крупных стадных животных [Дороничев, 1993],

- была ли это культурная диффузия, или миграция идеи, новации из одного центра,

- или это была новация, которую подготовило все предшествующее развитие технологии в рассматриваемом регионе в целом.

Следует специально подчеркнуть, что речь идет не о происхождении разных типов микока в разных центрах [Gabori, 1976; Bordes, 1984; Кухарчук, 1999], а о процессах общих для всего "микокского" региона. Гипотезы о происхождении Восточно-Европейского микока от мифического "Восточного ашеля" Кавказа [Gabori, 1976] или о заселении Крыма носителями техники двусторонней обработки орудий с территории Кавказа [Кухарчук, 1999] опирается лишь на частные мнения исследователей, поскольку ни в одном случае не проанализирован конкретный материал. Исследования последних лет обнаруживают очень сложный генезис раннепалеолитических индустрий Кавказа [Дороничев, 1995; Голованова, 1994; 1995; Любин, 1998]. Во многих регионах Кавказа нельзя говорить о преемственности даже внутри раннего палеолита. В настоящее время раннепалеолитическая история Кавказа представляет собой почти не решенный кроссворд. Как было показано выше, на территории Северного Кавказа анализ конкретных финальноашельских индустрий и ранних микокских памятников не позволяет говорить об эволюционных изменениях одних в другие. Датировки этих материалов, имеющиеся на сегодняшний день, достаточно близки: росс — начало росс-вюрма для финального ашеля и росс-вюрм для раннего микока. Вероятно, в достаточно короткие (для раннего и среднего палеолита) сроки происходят существенные изменения, которые революционным образом перестраивают технологию среднепалеолитического производства.

В вопросе развития микокских индустрий в разных регионах важным является осознание необходимости сопоставления не микока одного региона с микокком другого, а рассмотрение этих вопросов с учетом хронологии [Колесник, 1999]. Уже сейчас многие исследователи отмечают специфику развития разных микокских регионов [Bosinski, 1967; Valoch, 1988; Ulrix-Closset, 1990; Allsworth-Jones, 1990; Farizi, 1995]. Определенная специфика развития микокских индустрий выявлена и на Северном Кавказе,

что подробно рассмотрено в настоящей работе. Описанные изменения прослеживаются в реальном материале и опираются на единую стратиграфическую колонку Мезмайской пещеры, а не на влияние стереотипов, как писал А.И.Евтушенко [1999, с.17].

Ряд исследователей отмечали [Евтушенко, 1999; Кухарчук, 1999] раннюю утрату "микокских признаков" в Северо-Кавказских индустриях под воздействием "кавказской среды". Однако, не следует забывать, что никто из писавших об этом не потрудился привести анализ материалов и показать это "влияние" на конкретных материалах. Возможно, оно и имело место, но решение этой проблемы необходимо искать в результатах анализа источников. Следует лишь заметить, что на сегодняшнем уровне развития методики раскопок эта проблема может обсуждаться лишь гипотетически. Поскольку только сейчас палеолитоведение приходит к осознанию того, что стратиграфический слой не равен слою культурному и не является закрытым комплексом. А это означает, что выявление инородных элементов в комплексе, происходящем из одного литологического слоя (= хроно-климатического эпизода), - дело будущего. Эту проблему необходимо изучать с позиции анализа источников. Особо следует заметить, что материалы старых раскопок не пригодны для этого. А значит накопление новых материалов должно производиться с учетом постановки подобных задач.

В связи с обсуждением судеб микока на разных территориях важно упомянуть также проблему перехода от среднего к позднему палеолиту. На Северном Кавказе эта проблема изучена предварительно, поскольку источники слишком малочисленны. Мы имеем только два памятника: ранний позднепалеолитический слой пещеры Каменноостская и слой 1С Мезмайской. Материалы очень различны. Если индустрия Каменноостской пещеры демонстрирует существенную близость с финальными среднепалеолитическими индустриями из Монашеской пещеры, Губского навеса 1 и слоев 2-2А Мезмайской пещеры, то слой 1С обнаруживает полную несогласованность с этими материалами (подробнее см: [Голованова, 2000]). Очевидно, на рубеже среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе происходит очередной технологический "сдвиг", демонстрирующий резкое изменение, о характере и причинах которого сейчас мы можем делать лишь предположения.

В заключение следует отметить, что накопление новых источников уже сейчас должно проводиться при четкой постановке проблем и должном методическом их решении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисюткин Н.К. Два комплекса Ильской стоянки // Советская археология, М.: 1968, №2, с.118-126.
2. Аутлев П.У. Губская палеолитическая стоянка // Советская археология, М.: 1964.
3. Беляева Е.В. Нижнепалеолитические памятники бассейна р.Губс (Прикубанье). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: 1994, с.18.
4. Беляева Е.В. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.: "Петербургское Востоковедение", 1999, с.212.
5. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. К.: "Наукова Думка", 1976.
6. Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. К.: "Наукова думка", 1990.
7. Голованова Л.В. Новые раннепалеолитические стоянки на Северо-Западном Кавказе // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси, Мецниереба, 1990, с.35-36.
8. Голованова Л.В. О двух путях заселения Северо-Западного Кавказа в мустьерскую эпоху // Древности Кубани. Краснодар, 1991, с.34-36.
9. Голованова Л.В. Периодизация мустье Северного Кавказа // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992, с.12-14.
10. Голованова Л.В. Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993, с.24-27.
11. Голованова Л.В. Палеолитическая эпоха на Северном Кавказе // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб.: 1994, с.5-9.
12. Голованова Л.В. Открытие погребения на мустьерской стоянке в Мезмайской пещере // Археологические открытия 1993, М.: 1994, с.110-111.
13. Голованова Л.В. Палеолит Северного Кавказа - европейские и ближневосточные влияния // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Санкт-Петербург, 1995, с.8-10.
14. Голованова Л.В. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // "Стратум", Кишинев, 2000, в печати.
15. Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Левковская Г.М., Несмеянов С.А. Многослойная мустьерская пещера Матузка на Северном Кавказе // Российская археология, Москва, 1995, №3-4, с.105-118.
16. Голованова Л.В., Романова Г.П. Новые антропологические находки на мустьерской стоянке в Мезмайской пещере (Northwestern Caucasus) // Археологические открытия 1994 года. Москва, 1995, с.160-161.
17. Голованова Л.В., Доронищев В.Б. Изучение новой мустьерской стоянки на Северном

Кавказе // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб, 1997а.

18. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Раскопки палеолитической стоянки Баранаха 4 на Северном Кавказе // АО-1996. М., 1997б.

19. Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987-95 гг.) // Российская археология, М., № 3, 1998.

20. Городцов В.А. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 // БКИЧП, №6-7, 1940.

21. Дороничев В.Б. Мустьерские индустрии Большого Кавказа // Петербургский археологический вестник, №7. СПб.: 1993, с. 14-24.

22. Дороничев В.Б. Палеолит Карачаево-Черкессии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: 1995.

23. Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953.

24. Замятнин С.Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического поселения // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып.5. Л.: 1934.

25. Евтушенко А.И. Проблемы "Восточного Микока" // Археологический альманах, Донецк, 1999, № 8, с. 3-24.

26. Колесник А.В. "Восточный Микок" — миф или реальность? // Археологический альманах, Донецк, 1999, № 8, с.37-50.

27. Колосов Ю.Г. Аккайская мустьерская культура. Киев, "Наукова думка", 1986.

28. Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. Ранний палеолит Крыма. Киев, "Наукова думка", 1993.

29. Кузнецова Л.В. Проблемы палеолита Среднего и Нижнего Поволжья. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.: 1985, с.22.

30. Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1989, с.40.

31. Кузнецова Л.В. Каменный инвентарь местонахождения Заикино пепелище // Проблемы палеолита и мезолита Волго-уралья. Издательство Саратовского университета, 1992, с.24-26.

32. Кузнецова Л.В., Сергин В.Я. Местонахождение Челюскиинец II // Археологический альманах, Донецк, 1999, № 8, с.99-108.

33. Кулаковская Л.В. Мустьерские культуры карпатского бассейна. Киев, "Наукова думка", 1989.

34. Кулаковская Л.В., Козловский Я., Собчик К. Микокские ножи: определение и классификация // Археологический альманах, №3, Донецк, 1994, с.59-71.

35. Кухарчук Ю.В. 1999. Метаморфозы Микока // Археологический альманах, Донецк, 1999, №8, с.25-36.

36. Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: 1977.

37. Любин В.П. Ранний палеолит Кавказа // Археология СССР, М., "Наука", 1984.

38. Любин В.П., Аутлев П.У., Несмеянов С.А. и др. Неатдертальцы Гупсского ущелья. Майкоп, «Меоты», 1994, с.238.

39. Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. Санкт-Петербург, 1998.

40. Несмеянов С.А. 1989. Методика изучения террасового генетического комплекса для анализа палеоэкологии палеолитических стоянок в горных областях // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, 1989, с.225-260.

41. Праслов Н.Д. О стратиграфии Ильской стоянки // Археологические открытия 1969 года. М.: "Наука", 1970, с. 83-85.

42. Праслов Н.Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: "Наука", 1984, с.94-134.

43. Сергин В.Я. 1977. Обнаружены ли остатки мустьерского жилища на Ильском поселении? // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.

44. Степанчук В.Н. Киик-Кобинская мустьерская культура // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.: 1991, с.17.

45. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: "Наука", 1965, с.160.

46. Формозов А.А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.

47. Хлобыстина М.Д. Ритуальные доминанты поселений и могильников Восточной Европы каменного века // Петербургский археологический вестник, 1993, №4, с.17-24.

48. Хмелевский В. Археологические культуры верхнего плейстоцена на территории Польши // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы, М., 1965, с.16-23.

49. Щелинский В.Е. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // КСИА, вып. 141, М., 1975.

50. Allsworth-Jones P. Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale. Questions de définitions et relations avec les autres technocomplexes // Paléolithique moyen récent et paléolithique supérieur ancien en Europe. Actes du Colloque international de Nemours 9-10-11 Mai 1988. Mémoires du Musée de Préhistoire l'Île de France, n. 3, 1990.

51. **Baryshnikov G., F., Hoffecker J.F.** Mousterian Hunters of the NW Caucasus: Preliminary Results of Recent Investigations // *Journal of Field Archeology*, 1994, vol.21, p.1-14.
52. **Baryshnikov G., Hoffecker J., Burgess R.** Palaeontology and Zooarchaeology of Mezmaiskaya Cave (Northwestern Caucasus, Russia) // *Journal of Archaeological science*, 1996, n.23, pp. 313-335.
53. **Bordes F.** Leons sur le Paléolithique. Le Paleolithique en Europe, t.II. Cahiers due Quaternaire, n. 7. Paris, CNRS, 1984.
54. **Bosinski G.** Eine mittelpalaolithische Formengruppe und Problem ihrer geochronologischen Einordnung. - *Eiszeitalter und Gegenwart*, 1963, Bd.14, pp. 124-140.
55. **Bosinski G.** Die mittelpalaolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. *Fundamenta*, Koln, 1967, 206 p.
56. **Bowen D.Q.** Quaternary Geology. Oxford, Pergamon Press, 1978.
57. **Chabai V.P., Marks A.E.** Preliminary synthesis: Middle Paleolithic Assemblage variability in Western Crimea // *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, v. 1. Liege, 1998, p.355-367.
58. **Farizy C.** Industries Charentiennes à influences Micoquiennes, l'exemple de L'Est de la France // *Actes du Colloque de Miskolc*, Juin 1995. *Paleo*, Supplement, n. 1. Liege, 1995, pp.173-178.
59. **Gabori M.** Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural // *Budapest, "Akademiai Kiado"*, 1976, p.278.
60. **Gamble C.** The Palaeolithic settlement of Europe. New York, 1986, p.471.
61. **Golovanova L.V., Levkovskaya G.M., Baryshnikov G.F.** Le Nouveau Site Moustérien en Grotte de Matouzka, Caucase Septentrional (Résultats des Fouilles de 1985-1987) - *L Anthropologie*, Paris, 1990, t.94, p.739-762.
62. **Golovanova L.V.** Paleogeography and chronology of the North Caucasian Moustérien // *INQUA*, Abstracts, Berlin, 1995, p.94.
63. **Golovanova L.V.** New mousterian sites in caves of the Northern Caucasus // *III International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences*. Abstracts, v. 2. Forli, 1996a, p.234.
64. **Golovanova L.V.** Anthropological finds from the Paleolithic sites of the Northern Caucasus. *The U.I.S.P.P. Abstracts*, v. 2. Forli, 1996b, p.249-250.
65. **Golovanova L.V.** Paleolithic of the Northern Caucasus. *The U.I.S.P.P. Abstracts*, v. 2, Forli, 1996c, p. 260-261.
66. **Golovanova L.V., Romanova G.P., Kharitonov V.M.** The skeleton of the palaeoanthropus from the Mezmaiskaya cave, the North- Western Caucasus (a preliminary report). *The U.I.S.P.P. Abstracts*, Forli, 1996, v. 2, p.248-249.
67. **Golovanova L., Hoffecker D.F., Nesmeyanov S., Levkovskaya G., Kharitonov V., Romanova G., Svejenceve I.** Site du Micoque Esteuropéen du Caucase de Nord (Résultats présentifs des études de la grotte Mezmaiskaya, les fouilles des années 1987-1993) // *L'Anthropologie*, 1998, N 1, p. 45-66.
68. **Golovanova L., Hoffecker J.** New Field research at Mezmaiskaya Cave, Northwestern Caucasus. *Abstracts of the 63rd Annual Meeting. Society for American Archaeology*. Seattle, Washington, 1998, p. 123.
69. **Golovanova L., Hoffecker J., Kharitonov V., Romanova G.** Mezmaiskaya Cave: A Neanderthal Occupation in the Northern Caucasus // *Current Anthoropology*, 1999, v. 40, n. 1, p. 77-86.
70. **Hoffecker J.F., Baryshnikov G.F., Potapova O.R.** Vertebrate remains from the Mousterian site Il skaya 1 (Northern Caucasus, U.S.S.R.): New analysis and interpretation // *Journal of Archaeological Science*, 1991, N 18, p.113-147.
71. **Lioubine V.P.** La grotte mousterienne Barakaevskaia (Nord Caucase) // *L'Anthropologie (Paris)*, 1998, t. 102, N.1, p.67-90.
72. **Ovchinnikov I.V., Gotherstrom A., Romanova G.P., Kharitonov V.M., Liden K., Goodwin W.** Molecular analysis of Neanderthal DNA from the northern Caucasus // *Nature*, 404, 2000, p.490-493.
73. **Ulrix-Closset M.** Le Paleolithique moyen récent en Belgique // *Paléolithique moyen récent et paléolithique supérieur ancien en Europe*. Actes du Colloque international de Nemours 9-10-11 Mai 1988. *Memoires du Musee de Prehistoire l'Ile de France*, n. 3, 1990.
74. **Valoch K.** Die Erforschung der Kulna-Hohle 1961-1976. *Anthropos*, bd. 24, Brno, 1988, s.318.
75. **Zamiatnine S.** Station Moustérienne Il skaya province de Kouban (Caucase du Nord) // *Revue anthropologique*, n.7-8. Paris, 1929.

Статья поступила в редакцию в мае 2000 г.